

НАРОДНАЯ
ФАНТАСТИКА

ВЕЧНЫЙ
КРОВЬ ЛЕСА

Артем Лунин

Артем Лунин
Кровь леса
Серия «Вечный», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6447887
Артем Лунин. Вечный. Кровь леса: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68305-5

Аннотация

Прогуливаться в тоске по осеннему парку порой может оказаться небезопасным занятием. И не потому, что в парках встречаются хулиганы. Во всяком случае, Сергею Воробьеву угрожало кое-что похуже... Хищные бродячие кусты, гоблины с бластерами и эльфы с заклинаниями... Впрочем, какой же это парк? Это незнакомый лес в чужом мире, куда Сергей попал по собственной неосторожности. А вот не надо было желать: «Пусть все переменится»...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	44
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Артем Лунин

Вечный. Кровь леса

Глава 1

Сказочный лес

Был обычный серый питерский вечер. Я пошел бродить в дурном настроении, шепотом напевая привязавшуюся с самого утра древнюю песню.

Бывают в жизни человека такие дни, когда все кажется скучным, опостылевшим до предела. Называется это состояние по-разному – аглицкий сплин, русская хандра... Сырой каменный дух города, тяжелое низкое небо, люди вокруг хмурые, нужного автобуса ждешь час, любые мелочи раздражают до глухой злобы, переходящей в тоскливое равнодушие... Даже воробьи, кажется, не чирикают, а ругаются матом.

Исконно русское средство лечения от хандры общеизвестно. Но возраст не тот, и «облико морале» – я же спортсмен, чемпион того и этого, надо поддерживать форму. Не-а, спасибо.

Еще вариант... Но с Джулией мы поссорились по обоюдному согласию, со Светой мне ничего не светит, а к другим девчонкам еще не успел натоптать тропки. Да и вообще, в таком настроении не только с противоположным полом общаться – даже подходить к людям небезопасно. Можно случайно наброситься и покусать.

Еще вариант... Пойти в клуб, не время, конечно, но там в любое время можно кого-нибудь встретить. Потягать железо, побоксить с грушей, вышибить дурь из малолеток, самому получить от кого-нибудь старшей группы... Но Дед вчера матерно напутствовал меня раньше пятницы в Штаб-квартире не возникать, за дело, признаюсь...

Что такое осень?

Город скучный и блеклый, словно на глаза надели фильтр сепии. Небо под ногами в отражении луж серое, пока неплачущее, но уже вот-вот уронит морось. Листья не пылают воспетыми в стихах осенними красками – тоже серые, мокрые, обвислые на ветвях деревьев, на дороге бурными кучами. Серые мокрые стены. На серые лица серых людей нет сил смотреть.

Эх, врал классик, говоря о красоте этого времени года... А может быть, и не врал, просто редко доводилось Александру Сергеичу встречать ее – осень, то есть – в Северной столице. Потому как его постоянно ссылали то ли в Михайловское, то ли в Ясную Поляну... Литературу я знал слабо.

Чего мне никак не может простить Валерия Олеговна. При мысли о школе настроение упало ниже канализации. Учеба-спорт-друзья, стандартный треугольник дел, но что-то никак не впишусь в ритм...

Я приостановился, разглядывая свое отражение в зеркале лужи. Сутулый худощавый мрачный тинейджер. Серая грязь на серых джинсах. Серая ветровка плохо защищает от холода. Лицо серое, длинное, унылое. Прыщей не видно, но – переходный возраст, семнадцать без месяца лет, пумба... пурге... перцу... пу-бер-тат-ный период, знать бы, кто выдумал слово, отыскать бы и набить ему морду. Глаза серые в обводках серых кругов, серые, давно не стриженные волосы торчат из-под косо надетой вязаной шапочки. Похож на растрепанного серого воробья, греющегося на канализационном люке.

Этюд в серых тонах. Тьфу.

И свое отражение в мутной глади воды я прицельно разрушил белой пеной слюны. Плевок закачался, небо заходило волнами над моей головой. Я широко шагнул через лужу, увяз, грязь с непристойным хлюпом и чмоком выпустила боты.

И вот иду я куда глаза глядят, куда ноги несут. По Питеру не стоит вот так ходить, не торопясь и безо всякой цели. Но мне уже настолько все было по барабану, что я не замечал ни сгустившейся тьмы, ни того, что забрел в чужой, незнакомый район.

И зачем-то свернул в парк.

Это не было придурью, именуемой поиском приключений. Вечерний парк темен и пуст. Гопота и прочие асоциальные элементы имеют обыкновение ошиваться там, где теплее, светлее и больше народу. Получается, что самые якобы опасные места опасны только тем, что ты рискуешь в них заблудиться.

Вот я и заблудился. А вдобавок промок насквозь, замерз как собака и собрал на ботинки по паре кило грязи. Пришлось останавливаться и стряхивать лишний груз.

Близко к тропе рос огромный раскидистый вяз, его корявые, уже безлистные ветви удерживали низкое небо. Я подошел к великану, немного попинал ствол, оперся о низко растущую ветку и с силой провел подошвой о выступающий корень.

Внезапный порыв ледяного ветра просквозил до костей. Швырнул под ноги желтые листья, сбросил с ветвей град капель мне в лицо. Я непроизвольно зажмурился и облизал губы, вкус настоящей на осени воды напомнил что-то из детства. *Melancolie* чуть попустила, казалось, сейчас открою глаза, и все переменится...

– Да, – сказал я вслух. – Пусть все переменится!

Тогда-то это и произошло. Закружилась голова. Показалось вдруг, что я падаю вверх. Съеденный дома бутерброд подпрыгнул к горлу, ноги подкосились, и я с размаху уселся...

Нет, не в грязь. В траву.

Я осторожно открыл глаза. Внимательнейшим образом исследовал на вид, запах и вкус то, на чем сидел, и пришел к выводу, что это именно трава, сочная, свежая трава, словно и не сентябрь сейчас потихоньку травил чахлую городскую зелень.

Что за... Так, минуточку. Здесь же только что была грязь. Куда грязь дели?

Отбросив сорванный пучок этой до странного летней травы, я выпрямился, окидывая парк взглядом, и обалдел.

Потому что он, парк, в котором я находился, превышал размерами и запущенностью любой питерский парк, пусть даже его запустили тогда, когда мой город называли Петроградом... или когда Александр Сергеевич болтался по берегам Невы в компании Онегина, своего доброго приятеля...

Мне даже показалось, что это не тот парк, в котором я был минуту назад.

Я протер глаза. Опять пощупал траву под ногами. Провел пальцами по коре дерева, около которого стоял. Поднял и искрошил в пальцах сухой желтый лист.

Потом, бросив заниматься ерундой, я почти бегом направился туда, откуда, как мне казалось, я пришел.

Сюрприз – отсутствие тропы под ногами. А ведь была. Затоптанная, заросшая травой, покрытая грязью и лужами, но была. А сейчас нет.

Еще сюрприз – я шел уже минут пятнадцать, но парк все не кончался и, похоже, не собирался этого делать.

Велика ты, земля русская...

Еще сюрприз – мне показалось, что вокруг светает. Через какое-то время оказалось, что не показалось.

Ну это уже слишком!

На часах – десять без пяти. Вечера. Я схватился за мобильник – «Нет сигнала».

Да что же это такое творится в Датском королевстве, а?!

Так, спокойно. Вдох-выдох, нащупать пульс. Это что, у меня пульс такой? Да, похоже, это он самый... Ну, успокоился? Совсем успокоился?

Теперь давайте сядем и пораскинем мозгами, подумаем, что, массаракш, происходит...

Версия номер раз. Шел, поскользнулся, упал, очнулся с закрытым переломом шеи, – я на всякий случай ощупал ее. Потом на ощупь старательно изучил свое тело.

Итак, очнулся – в раю, – с сомнением посмотрел вокруг. – Не пойдет.

Во-первых, райский сад не может быть настолько дремучим. И где же начальство – всякие ангелы, архангелы, апостол Петр, Самый Большой Босс, а также постояльцы?

Во-вторых, в рай меня попросту не пустят. Минимальные требования для поступления не выполнены. Дерево не посадил, дом не построил, сына не родил.

И крылышек за спиной что-то не наблюдается.

Пожалуй, закрытый перелом шеи всерьез мне грозил – я изо всех сил вывернул голову, пытаюсь посмотреть на свою спину. Запустил руку за шиворот и старательно пошарил там, ничего постороннего не обнаружил.

Версия за номером два – амнезия. Звучит-то как – амнезия! Красиво, правда? Сколько бедняг с отшибленной памятью шляются по фильмам и страницам книг?

Нет, не покатит. Я весь прежний. Одежда, прыщ на морде, синяки на запястьях – Тоха, собака, обмолотил как следует, кто бы знал, что я так порадуюсь его отметинам, несомненным доказательствам соответствия меня самому себе. Да и часы по-прежнему кажут... – я глянул на мобильник, который все еще жаловался на прискорбное отсутствие связи. Не терял я дней, и даже часов не терял. Разве что минут двадцать... А за двадцать минут можно перебраться в другой часовой пояс разве что на межконтинентальной баллистической ракете. А эта техника для пассажирских перевозок плохо приспособлена.

Версия номер три, за грифом «Хэ». То есть, конечно, «Икс». Инопланетяне.

Почему бы и нет? Если верить желтой прессе, наша Земля – просто проходной двор какой-то, так и шляются блюдечки летающие. Похитили их владельцы меня, проделали свои антиобщественные опыты, стерли память, перепутали и выкинули где-нибудь в Америке или там в Канаде – где сейчас утро, если в Питере вечер? Но что-то не верится, что наши братья по этому самому, как его... – я неопределенно повертел пальцем у виска. – Разуму? Не верится мне, что наши братья по разуму способны допустить такую глупую ошибку. Хотя, конечно, кто их знает, братьев...

Версия четвертая. Спонтанная телепортация. Шел человек по парку, шел себе, шел, никого не трогая, и вдруг оказался в джунглях Борнео... Обычное дело, с кем не бывает. Эту версию не вдруг проверишь. Можно только шагать в надежде выйти из леса, а там кричать «караул» или «ура»...

Версия пятая. Путешествие во времени. Прошлое уже свершилось, его не изменить. А если будущее? Мы и так в него постоянно путешествуем – просто с одной и той же скоростью. А если человека заморозить или запустить со скоростью, близкой к световой, когда течение времени вроде бы офигенно медленное... Эх, подзабыл я теорию относительности.

Я с сомнением оглянулся. Не похоже это на Землю будущего, не-а, не похоже. Разве что конец света для человеческой расы все же случился, и теперь планета вернула чистоту и дремучесть...

Какая там цифра дальше? Версия шестая, самая невероятная. Тебе понравится. Это иной мир. Не тот свет – просто параллельное измерение...

Сколько книг написано о том, как обычный человек вдруг попадает в другой мир, мир мечей и магии... спасал этот мир... становился королем или магом...

Эге, счас, – мрачно сказал кто-то угрюмый, спеша сломать мои радужные крылья и разметать воздушные замки. – Размечтался. Корону ему. И вообще – пока эльфов не увижу, не поверю. Или хотя бы хоббитов.

Ну-ка попробуем колдануть... Простерши повелительным жестом руку и ободравшись при этом костяшками пальцев о дерево, я сначала сказал отнюдь не то, что собирался. Потом повторил жест и громко произнес:

– *Ширак!*

Мой друг Антон, гений в радиоэлектронике, поставил в своей квартире сенсоры, реагирующие на это слово, произнесенное соответствующим тоном, и я знал, что это вроде бы какое-то заклинание из какой-то книги. Но здесь команда включения света не оказала действия.

А других заклинаний я не знал.

Впрочем...

– *Инспектор, патроны!* – прозвучало это до крайности нелепо. Кажется, я что-то перепутал.

– Для этого заклинания нужна волшебная палочка, мистер Поттер, – сухо заметил сам себе, подражая холодному, брюзгливому тону какого-то тамошнего учителя. – А ты свою забыл дома под подушкой.

– Что ж... – сказал я-брюзга, убедившись, что мне-обычному сказать больше нечего. – Версию о магии отставляем пока в сторону за недостаточностью доказательств, но не отбрасываем совсем. Будем пока придерживаться третьей версии. Это, конечно, невероятно, но факт. А факт, как говаривал Шерлок Холмс, – самая упрямая фигня на свете.

Программа-минимум – найти воду, пищу, местных жителей, выяснить, в какие брянские леса тебя забросило и есть ли здесь российский консул.

Программа-максимум – стать королем или там каким-нибудь волшебником всея мира.

– Задача ясна? Делай! – рявкнул брюзга. Я подскочил, вытянулся во фронт, выкатил глаза:

– Слушаюсь ваше всклблгродие!!! – И бодро зашагал туда, где сквозь чащобу медленно разгоралась золотая кромка рассвета.

Вскоре взошло солнце, и сомнения в том, что это именно рассвет, а не, скажем, свечение остаточной радиации после взрыва ядерной бомбы, отпали. Светило не могло пробиться сквозь листву, и в лесу царил зеленая темь. И тишина.

Нарушая ее, я бормотал себе под нос ругательства, обращения неизвестно кому и даже всевозможные заклинания, как самостоятельно придуманные, так и услышанные от друзей – в Штаб-квартире чего только не нахвататься...

В общем, я нес всякий бред, когда очередное «я желаю, чтобы...» – встало у меня поперек горла. Яркая искра – такое иногда увидишь на периферии зрения от напряжения, – пересекла мой путь, зависла, словно изучая меня.

А я уставился на нее.

Ну да, искра. Огненная точка. Не слишком похоже на насекомое, парит беззвучно, когда двигается, – я сделал шаг назад, – чуть звенит.

Пока я тупо разглядывал искорку, к ней присоединились еще две таких.

Потом три...

Потом пять...

Потом я сбился со счета.

Искры роились перед моим лицом, словно интерактивная модель солнца. Шар все рос и рос, временами от его поверхности отделялись протуберанцы и, покружив немного по

орбите вокруг, снова сливались с основной массой. Слышался негромкий грозный гул, от шара явственно тянуло теплом... Что, все-таки насекомые?

Я с ужасом вспомнил читанную когда-то давным-давно книжку, где отважным путникам угрожали сонмища огненных насекомых, спаливших-таки одного героя. А потом – «Секретные материалы», в одной из серий которых прожорливые инсекты съели лесорубов и чуть не положили конец исканиям истины двух беспокойных агентов...

А потом я вдруг обнаружил, что бегу изо всех сил.

Храбрый-я продирался через заросли колючек, не решаясь оглянуться, только слыша грозное жужжание. Огненный рой догонял медленно, но верно.

Я поднырнул под низкую ветку дерева и осмелился бросить взгляд назад. Огненный шар, достигший уже размеров баскетбольного мяча, налетел на ветку и разбился, обтекая ее снизу и сверху.

Я сделал еще пару десятков прыжков, прежде чем сообразил, что ветке соприкосновение с роем никакого вреда не принесло.

Легкие горели, словно в них уже набились огненные насекомые, в боку колело, сбитые ноги страшно ныли. Я остановился, прислонился спиной к дереву, затравленно глядя на приближающийся рой.

Рой подлетел и остановился на расстоянии полуметра от моего лица. Он просто висел в воздухе, гудел и ничего не делал.

Я протянул руку, и шар неторопливо отлетел в сторону, избегая моего касания.

– Что же ты такое? – спросил я растерянно, отдуваясь. Светильник заплясал в воздухе, словно пес, довольный, что с ним заговорили, завилал хвостом.

И в ответ на эту мою мысль шар превратился в гротескную собачью морду.

Я моргнул. И пожелал.

Рой послушно сформировался в лицо Джулии. Потом Светы. Наверное, из меня вышел бы неплохой скульптор...

Я создал автопортрет. Потом голову единорога. Медного Всадника. Обнаженную женскую фигуру с крыльями. Волшебника с посохом.

Наконец мне надоело баловаться, и рой снова принял шарообразную форму. Я откашлялся и самым внушительным голосом, на который был способен, произнес бессмысленное слово:

– *Думак!*

Шар вздрогнул и неторопливо начал рассыпаться на отдельные искры. Какие-то летели в глубь леса, другие просто опадали и угасали.

– Все с вами ясно... – Я понял, что истерически смеюсь, и с усилием заткнулся. – И незачем так гоготать, – наставительным тоном сказал сам себе. Это же элементарно, Уотсон. *Ширак*. Свет зажегся. *Думак*. Свет потух. Заклинание, догадался Серый!

Слово не бессмысленное!..

Заклинание!..

Ширак – зажигает огонек на волшебном посохе мага. *Думак* – гасит огонек. Я даже припомнил разноцветные книжки на книжной полке Джулии.

Я сказал заклинание. Собственно, во время своего лихорадочного бормотания повторил это слово никак не меньше полусотни раз.

И каждое слово и соответствующий образ вызывали искру. Рой послушных моей воле частичек света!..

Ловя мои мысли, рой менял форму, как пластилин в руках. И, покорный «отключающему» заклинанию, разлетелся.

Магия! Настоящая, всамделишная магия!

Ух-х-х ты! Wow, как говорят янки, а последние двадцать лет и весь остальной мир! Я сказал заклинание! Оно сработало!

Но сработает ли еще? – подумал я, и словно холодной водой окатило.

– Ширак!.. – заорал я во всю глотку. Эхо повторило, и...

Ничего.

Спокойствие, только спокойствие... в прошлый искры явились тоже далеко не сразу...

Вз-з-з...

Я проводил взглядом появившийся огонек и дико завопил на весь лес, подпрыгивая, зашелся истерическим хохотом...

Я – маг!

Великий чародей!

Призыватель искр!

Повелитель Света!

Надо попробовать еще какое-нибудь заклинание. Блин, почему я, дурак, не читал фэнтези... У Джулии, у Светки, у Тохи не было бы ни малейших проблем, сюда их вместо меня – и моментально освоятся, я уверен...

Ладно. Я же тоже помню. Книг читал немного, заклинания, понятно, не запоминал, но фильмы-то, игры на «волшебные мотивы»!.. Огненный шар, файербол... может быть, в другой раз попробую, спички детям не игрушка, особенно в лесу.

Руны. Магические жесты. Хитрые пальцесплетения. Нет, не вспомню.

Что-то же должно застрять между извилин, кроме огненного шара!.. Ага, стихии.

Земля. Призыв земляных големов, древесных существ. Круто... слишком круто.

Вода. Вызов дождя – из-за зеленого купола леса мне даже туч не видно. Что еще? Какая-нибудь Ледяная Бритва... только нет здесь воды. То есть, конечно, вода есть, в земле, деревьях и воздухе, но... в общем, воду пока к земле.

Воздух. Порыв ветра, воздушный толчок. Какое-то время я толкал воздух ладонями, пытаюсь поколебать листву поодаль. Кажется, получается. Или это я шатаюсь.

Ладно, стихии пока отставим. Что еще? Руны. Не помню я их, а корябать самому... можно попробовать. Но потом.

Оглушающее заклинание. Некого здесь оглушать. С обезоруживающим – тоже. Связывающее – веревки, липкая паутина... не верю я, что материал для них возникнет из ничего по моей воле. А раз не верю, не смогу сделать. Одно дело – невесомые светляки, их мое воображение приемлет.

Что еще? Некромантия, разумеется. Искусство темных волшебников, которые вызывают мертвых духов, поднимают скелеты... Знакомые ролевики хвастались пластиковыми черепами-костями, платящими черными (*это мантия!*.. – обижался Тоха).

Погодите-ка. Светлячков я создаю, используя образ света. А как насчет некромантского колдунства? Образ тьмы, вестимо, – и представить легко. Надо придумать волшебное слово, ужасное, страшное и жуткое. Ключ к магии – воображение... Сосредоточить волю... воззвать к Темной стороне, угу...

Желающих Дед обучал и мысленным практикам. Разум первичен, втолковывал он. Я обычно пропускал мимо ушей, полагая себя практиком...

Кажется, получилось. Мое сознание заполнилось образами тьмы, холода, зла и смерти. Когда мысленное упражнение достигло максимальной визуализации, я зачерпнул из черной дыры в своей груди ее черноты и сделал магический пасс, выдыхая чувства из себя вместе со словом:

– Дыхание смерти!..

Ногти оставили за собой в воздухе белесые непропадающие следы. Порыв ледяного ветра плеснул по кустам, вокруг стало сыро, в корнях деревьев сгустился туман, и они стали похожи на кости. Горло перехватило, волосы встали дыбом на всех частях тела.

Передо мной появился призрачный парящий череп с полыхающими холодным зеленым огнем глазницами. Страшно зевнул, из пасти вырвались клубы зеленого дыма...

Выругавшись от испуга, я торопливо взмахнул перед собой руками, указывая, в каком направлении ему следует отправляться. Череп щелкнул пастью, обдав меня промозглым холодом, повернулся и медленно полетел прочь.

Я смотрел, как он вилял между стволами деревьев, наконец скрылся. Тьма отступала медленно, неохотно.

– Так... некромантию пока отставим тоже, – сипло пробормотал я. – Лучше пошли отседова...

И свое предложение показалось мне очень дельным.

Магия детям не игрушка – убедился я скоро.

Похоже, некая мана все же существует. И я ее израсходовал. Усталость лежала на плечах, как свинцовый воротник.

И насчет расплаты за обращение к Темной стороне книги-фильмы не ввали. Из меня будто литр крови выкачали, а потом выставили на мороз. Кожа лица потеряла чувствительность, кисти рук болели, смотреть на них было страшновато – белые с четкими голубыми венами. В пальцах разбегались ледяные мурашки.

Все прошло нескоро. Если каждое темное заклинание подобным образом пьет человека, то ну ее, эту Темную тропу... Или тут все дело в тренировке? Нет, отставлять несветлое колдунство погодим...

Ручей попался очень кстати. Я спустился чуть ниже по течению, рассмотрел в небольшой заводии свое отражение. Бег по лесу не пошел мне на пользу. Набрал побольше слюны во рту и осторожно плюнул в свою чумазую и поцарапанную бледную физиономию. Резко укололо ощущение дежавю – все на свете возвращается на круги своя...

Нельзя пить воду, если по ее поверхности не расплывается плевок. Из той городской лужи пить было нельзя. Здесь же, убедившись, что белая пена расплылась, я отогнал ее руками в бегущую воду. Жаль, нельзя было так же отогнать от себя мысли о кишечных палочках. Но делать нечего – я осторожно напился, стараясь сдерживать себя и не наглотаться ледяной воды, вымыл руки и лицо. Недурно было бы набрать в запас, но – куда?

Я омыл царапины на руках, которые заработал во время своего панического бегства от вызванного мной же света. Вот уж не думал, что пробираться через дикий лес так трудно. Зализывая раны, я стал ползать по траве, разыскивая подорожник.

Не нашел и только сейчас заметил то, что следовало бы заметить давным-давно – вся зелень вокруг, от самой маленькой былинки до огромных сероствольных псевдососен и квазидубов, была мне совершенно незнакома. Мягкий сырой мох, в который я проваливался чуть ли не по колено, тоже не походил на привычный мне, он был с мелкими листочками и источал совсем другой запах.

– Массаракш, – пробормотал я любимое ругательство Джулии. – Далеко же меня забросило...

Некоторое время бродил, изучая флору. Ну и ну и ну и ну. Такого ни в одном ботаническом саду не встретишь. Например, шипастая елкоподобная черемуха – серый шершавый ствол, мясистые грубые листья, поросшие снизу... мехом, что ли?

Особенно меня заинтересовало растение-паразит, вьющееся вокруг дерева. Можно было бы назвать это горохом, но усики его не вцеплялись в кору, а вращались, а вместо стручков росли гроздья кровавых ягод.

Как там учил Дед? Примотать к запястью, подождать несколько часов, если реакции на коже не проявится, осторожно попробовать, еще подождать...

– Да я раньше с голоду топталки отброшу... – Сорвав несколько ягод, я осторожно принюхался...

«НЕЛЬЗЯ!!!» — грянуло набатом в моем разуме.

Я уронил ягоды и крутанулся на месте, хватаясь за карман, словно ковбой за кольт. Мгновенное движение кистью, брякнул пижонский нож-бабочка. Да, разумеется, тренировался для понта...

Я принялся оглядываться, выставив перед собой тусклое лезвие. А? Кто? Где?

Никто. Нигде. Вокруг – только лес... Я опустил взгляд на нож в своей руке, вздрогнул, увидев на пальцах красное. Порезался? Инстинктивно я поднял руки к лицу, чтобы слизнуть кровь.

«НЕЛЬЗЯ!!!»

Я подскочил, прикусил язык, уронил нож, завертелся волчком. Твою мать! Что за дела?! Кто здесь, покажись!

Никто не показался.

Боль запульсировала в кончиках пальцев, я достал носовой платок и промокнул ранки. И, тупо созерцая пальцы, понял, что нет никаких ранок. То, что показалось мне кровью, было соком растения...

Я попятился от обвитого паразитом дерева и возблагодарил Бога, Аллаха и съеденный дома бутерброд. Будь я голоднее, обязательно бы поторопился попробовать соблазнительно выглядывшие ягоды.

Ранок не было. Боль была. Резкая, пульсирующая боль, как от глубокого пореза. Закружилась голова. К горлу подкатила тошнота. Я чихнул. Опять чихнул – сочно, с подвыванием. И начал задыхаться...

Видимо, я на автопилоте отошел на приличное расстояние и только тогда очухался, хватая ртом сырой воздух леса. На кончиках пальцев, обожженных красным ягодным соком, густо выскочила алая сыпь, мелкие прыщики. Надо же, какое злое растение...

Тут мне в голову пришла такая ужасная мысль, что я вовсе забыл про боль. Что, если здесь совсем нет ничего съедобного для человека? И буду я бродить, опухая от голода, пока не наемся красной отравы и не помру...

Нет. Так не бывает. Потому что... Иначе неинтересно. Попасть в чужой мир, научиться призывать Свет и Тьму... и тут же склеить лапы, отравившись туземной ягодой – такого просто не может быть. Книга неинтересная получится!..

Успокоив себя этими слабоватыми доводами, я отправился искать нож. Вроде здесь уронил... Вот следы...

Я тупо смотрел, как мои следы во мху зарастали. Как-то странно быстро исчезали, почти как следы в грязи. Осторожно шагая, я подобрал брошенный платок. Подкрался к «черемухе», скомкал ткань и бросил на мох.

Платок медленно, но явственно утопал во мху. Я пошарил в кармане и бросил монетку – медяшка упала в мох, как в воду.

Я попятился, вспомнив еще что-то из прочитанного, выбросил вперед «козу» – указательный и мизинец вытянуты, остальные пальцы собраны в кулак. Зеленый ковер мха заколебался и пошел волнами. Непохоже было, чтобы он меня боялся.

Зато я его боялся. И постарался увеличить расстояние между собой и прожорливым мхом, растущим под ядовитыми ягодами.

Я долго брел вдоль ручья. Лес вокруг не становился реже. Ручей все журчал и журчал, этот звук сводил с ума своей монотонностью. Обливаясь потом в свой водолазке, я шел по камням.

Ручей спустился в овраг, я с трудом пробирался по скользким камням, несколько раз промочил ноги. Склоны оврага были крутые, не забраться, да и сверху рос... я бы сказал, что это крыжовник, только отличающийся повышенной колючестью и тем, что на нем росли не ягоды, а мясистые треугольные коробочки, похожие на сырки. Дьявол, да что это я все о еде?!

«Сырки» я пробовать не решился. Дотянулся и разломил один плод – в нос шибануло острым запахом бражки. Коробочка оказалась наполнена продолговатыми зернышками, похожими на коричневый рис. Выглядел рис неприятно, но я подозревал, что через несколько часов он покажется мне вполне съедобным.

Вырвавшись из почти-крыжовника, я просто упал ничком на поляне, содрал промокшие ботинки и носки. Мобильник показывал четверть третьего ночи. Понятно, почему я так устал. А трава такая мягкая...

В книгах герой, как правило, пробудившись в такой же ситуации, никак не может сообразить, где находится, или раздумывает, чудится или снится ему окружающее, щипает себя и изобретательно обосновывает, можно или нет расценивать это как доказательство реальности происходящего или боль от щипка пригрезилась тоже.

Проснувшись, я все же не стал проделывать эти банальные вещи. Потянулся, морщась от боли в затекших мышцах, перевернулся на спину... и тут же вскочил, напрочь забыв о неприятных последствиях отдыха на траве.

Солнце стояло почти в зените.

И это было не наше солнце.

Раньше из-за густой листвы я не мог полностью его разглядеть. А сейчас...

Вполовину больше привычного мне светила, здешнее солнце было чисто белое, без желтого оттенка, и менее ослепительное, я мог смотреть на него, почти не моргая.

Впору было орать.

Так я и поступил.

Когда мой невеликий запас коротких слов и производных на их основе иссяк и в лес вернулась тишина, я уселся на траву и обхватил голову руками.

Гадство. Гадство!.. Почему я, я же никогда не мечтал!.. Перед самим собой не стоит корчить из себя героя.

– Ты попал, парень. А также влип, впух и встрял. Никакая атмосфера не может до такой степени исказить солнце. Тем более небо здесь чистейшего глубокого синего цвета. Значит...

Значит?

Значит, я действительно не дома. Вообще не на Земле!..

Я и не подозревал, что умею так ругаться. Лес равнодушно внимал моим изощренным выражениям. Наконец я заткнулся и закрыл лицо руками.

– А почему? – спросил сквозь пальцы. – Почему, бога душу?!

Крик души – даже вопль – канул в лес и заблудился между стволами деревьев, был заглушен листвой.

– Вы же не ходите сказать, что, – пробормотал я, начиная подозревать. – Ты, придурок! Напомни-ка, кто просил: «Пусть все переменится?»

Ну, допустим, я... Еще несколько часов назад я бы многое отдал за то, чтобы оказаться подальше от сырого Петербурга, убраться куда-нибудь... Но не настолько же радикально!

– Может быть, это мое жгучее желание сработало как, гм, катализатор гиперперехода? Тьфу, что за дурацкий термин дешевой фантастики... Хотя какими еще терминами мыслить, коли уж угодил в фантастику?

– Это фэнтези, – поправил я сам себя.

– Да хоть готический роман!.. – рявкнул. Не знаю, что это такое, должно быть, роман, написанный готами и про готов. – Назад-то как?!. Как-мне-попасть-домой?!.

Сосредоточение воли. Ключ к магии – воображение. Захотеть домой. Изю всех сил. Представить себя там.

Я зажмурил глаза. *Домой, домой, домой...* Закружилась голова, но это была просто психосоматика – дебри никуда не делись.

Итак, по своей воле я не могу путешествовать туда-сюда-обратно.

– Или потому, что по слабости характера не способен изю всех сил хотеть чего-то? – ехидно спросил мой голос.

– Нет, скорее потому, что вовсе не желаю вернуться домой! – вслух ответил я себе. Сколько читано книг о людях, которые попали в иной мир, и сколько начато и так и не дочитано!.. И по закону жанра, едва начинаются приключения в этом мире, кандидат в храбрые рыцари, могущественные волшебники или, на худой конец, в короли хнычет и желает проснуться, вернуться в тот мир, домой, к своему жалкому, никчемному существованию...

Нет, мы не будем подражать этим несознательным товарищам, и такие трусливые мыслишки мы с гневом отметем прочь! Даешь принцесс, обязательно эльфийских, даешь магию и хорошо сбалансированные мечи! Даешь Кольцо Драконов и Копье Всевластия!

– Молодец! – одобрил я. – Не можешь изменить ситуевину – измени свое отношение к ней. Но для начала надо добраться до принцесс и мечев...

Что ж, будем придерживаться первоначального плана. Вдоль ручья. Найти съедобную флору. Избегать фауны, которой съедобным покажусь я. Найти место для ночлега. Развести костер... Надо уточнить, могут ли мои светляки здесь помочь.

Я бросил в рот горсточку ягод с куста и двинулся в путь, ха, почти как брусника. И лишь через десяток шагов до меня вдруг дошло, что я делаю что-то не то. Поперхнувшись, я выплюнул ягоды, но часть все же проглотил. Высунул язык, насколько высывался, стал ожесточенно скрести ногтями. Больно!..

Ничего не происходило. Не было судорог, не подкрадывалась незаметная слабость, в глазах не двоилось, глюков тоже не было. Руки тряслись, но это от испуга, кружилась голова, но это всего лишь воображение, ведь правда? Воображение, и ничего больше. Воображение у меня будь здоров! Кто там заглянул однажды в медицинскую энциклопедию и симптомы только одной болезни у себя не обнаружил – родильной горячки?

Ягоды безвредны. Психосоматика, и все. Они безвредны. Воображение.

Я шел и твердил это себе, как заклинание. Попытался вызвать на разговор того, кто посоветовал попробовать ягоды и предупредил о ядовитом растении. Но, кто бы это ни был, мой собственный инстинкт или здешний Высший Разум, он молчал.

Ягоды были чуть кисловаты и напоминали бруснику. Только были фиолетовыми и росли на высоких кустах, я такие видел не раз. Как следует рассмотрев и запомнив ягодный куст, я утолил жажду и поплелся дальше, стараясь не обращать внимания на бурчание в животе. Но на каждую басовую ноту желудка сердце начинало колотиться о ребра в ритме стаккато.

К вечеру я не помер, хотя чувствовал себя препаративо. Воображение когда-нибудь загонит меня в гроб. Тело встряхивало напряжение, словно я выпил три чашки кофе подряд, спать не хотелось, но во тьме особо не побегаешь. Никакой фауны, даже птиц, мне пока не встретилось, но это не значит, что во тьме не может бродить зверье, вовсе не поддерживающее точку зрения, что человек – царь природы. Я хотел перекреститься, понял, что не знаю

как, все же перекрестился неумело, вознес кому-то молитву и принялся за фиолетовую брусья. Кустов ее вокруг было во множестве, но я решил погодить и съел всего пару горстей. Желудок бурчал. Я стал искать место для ночлега.

Тогда-то мы и встретились.

В немом благоговении я созерцал огромное дерево. Могучий исполин возвышался над лесом, превосходя все прочие деревья по росту раза в два. Листья мешала как следует разглядеть верхушку дерева, я прикинул, что в исполине будет этажей девять, а то и больше. Секвойя, баобаб? Гм...

Листья чудо-дерева выглядели так, словно никак не могли решить, остаться им листьями или превратиться в хвою. Черно-блестящий складчатый ствол богато расписан красными, серыми и зелеными прожилками, ветви толстые, узловатые. Никаких плодов и шишек на дереве не росло. Зато на нем были шипы, в чем я немедленно убедился, когда захотел получше рассмотреть дерево.

И раз, и два, три, четыре... десять, двадцать, тридцать...

Пятьдесят семь шагов мне потребовалось, чтобы обогнуть толстенный ствол. В таком дереве можно разместить небольшой коттедж или выдолбить гараж, в который влезет что-нибудь поболее «Оки».

Я залез поглубже меж растущими по земле ветвями и корнями дерева и принялся вспоминать «В мире животных» и прочие такие передачи. Если мы с моим склерозом ничего не напутали, не многие животные хорошо видят. Самые зоркие звери – это люди. Собаки и, следовательно, волки видят в основном носом, ну и ушами. Темнота не мешает ночным хищникам найти одинокого несчастного заблудившегося горожанина (то есть меня).

Утешив себя этими умными рассуждениями, я посидел еще немного в темноте, подтянул к себе выломанную дубинку и сказал внушительно:

– Ширак!

Секунд десять ничего не происходило. Потом раздался знакомый комариный звон, и передо мной возникла искра. Это что, мне снова пятьдесят раз произносить слово? Заклинания, кстати, иногда отчего-то именуется формулами, ну-ка, если...

– Ширак умножить на пятьдесят!.. – провозгласил я.

Искры заметались передо мной... и одновременно я ощутил некую усталость, не телесную, а как будто несколько сложных уравнений решил. Занятненько...

Искры собрались в рой.

– А можно свет убавить? – робко попросил я, и свечение чуть поутихло. Я вежливо поблагодарил, пожелал спокойной ночи светлячкам и дереву и скоро задремал, по уши закутавшись в драную водолазку.

Сны, как известно, бывают разные. Вещие, нелепые, фрейдовские или кошмары, когда из подсознания всплывают темные щупальца ужаса и человек просыпается в холодном поту и с замерзшим криком на губах.

Иногда человек думает, что ему не снилось ничего, и весь день мучается свинцовой головной болью и скверным настроением. Иногда, наоборот, просыпается с улыбкой и весь день ходит просветленный, как Будда.

Проснулся я с глупой улыбкой до самых ушей и с не менее глупой твердой уверенностью, что все будет хорошо. Чувствуя тепло на лице, прищурился на шар. Все-таки это не только свет, но и жар, значит, можно попытаться освоить огонь...

– Думак.

Шар повисел немного и рассыпался.

– И спасибо! – крикнул я следом, лес после улета источника света оказался темным. Однако в России любое время дня, когда ты проснулся, считается утром. Хотя я же не в России... Впрочем, Россия там, где русские, значит, и здесь тоже...

Попытка вспомнить, какая нирвана мне приснилась, ни к чему не привела. Я таращился в непроглядную тьму и слушал тишину. Было совсем не страшно.

Когда тьма стала менее непроглядной, я вылез из своей норы и ударился головой о низкую ветвь.

А вчера ее здесь не было...

Раньше, чем эта мысль в полной мере дошла до меня, я отпрыгнул в сторону, изготовившись драться или бежать. Дерево при полном безветрии качнуло ветвями...

Которые за ночь вдруг возымели желание подрасти в мою сторону.

Я понял, что стою в боевой стойке, мышцы напряжены, морда лица застывшая в ярости, зубы оскалены в готовности кусать и грызть, пальцы судорожно скрючены – бить-хватать-душить, как быстро слетает с человека шелуха цивилизации... Наверное, я долго так стоял и напряженно таращился на дерево. Сердце колотилось, адреналин бурлил так, что пар из ушей, тело казалось неправдоподобно легким.

Я выдохнул, по заветам Деда – «долго и со вкусом», сбрасывая напряжение. Расслабился.

– Ну ты, блин, даешь, – сообщил дереву. – Знаешь, говорят, бамбук офигенно быстро растет, но бамбуку до тебя...

Дерево при полном безветрии шевельнуло ветвями. Я на всякий случай попятился. Отросшие за ночь ветви образовывали нечто вроде полога над местом моей ночевки.

Я подумал о прожорливом мхе, но отбросил мысль. Нет, это дерево явно не хищное. Просто мое присутствие отчего-то стимулирует его рост.

Для проверки этой невесть откуда взявшейся мысли я подошел ближе. Вроде ничего. Погодите-ка...

Ветки чуть шевелились. И... да, если приглядеться, они медленно обрастали почками, которые выбрасывали зеленые стрелки побегов. Пахло весной, и вообще, это было похоже на телепередачу о природе, когда пускают ускоренное воспроизведение.

– Круто, чувак, – еще раз сказал я, и дерево согласно шумнуло листвой. Оно тянулось ко мне, и я отошел подальше. Ветки печально поникли.

– Отлично, – сказал я. – Спасибо тебе за сон и пристанище. Я, пожалуй, пойду?

Дерево как будто вздохнуло. Я попятился, не решаясь повернуться к нему спиной. Отпятившись на порядочное расстояние, поклонился дереву, поблагодарил за ночлег и пошел искать своих эльфов.

Глава 2

На лицо ужасные

Скоро взошло солнце. Ручей-проводник, похоже, вел меня к границам леса, потому что на этот раз я смог насладиться красотой здешнего рассвета. И заодно еще раз убедиться, что я не на Земле. Сутки не совпадали. Здешние были длиннее.

И долго мне еще топтать? По всем канонам нелюбимого мной жанра фэнтези герой, попадающий в иной мир, мгновенно оказывается в гуще событий, я же вместо того оказался в какой-то Беловежской пуще, где никаких событий не происходит... Выругавшись для поднятия боевого духа, я от души наподдал по какой-то коряге ногой.

Зря я это сделал.

Во-первых, я крепко ушиб ногу. Во-вторых, отлетевшая в сторону коряга обиделась, зашипела и вознамерилась проверить, каков я на вкус. В-третьих, к ней присоединились еще три таких же.

Что ж, вот тебе и события, чего хотел, в то и влетел... Я резво попятился, споткнулся, чуть не упал. Махнул дубинкой широко, слишком широко, и она улетела из руки... Светка живот надорвала бы от хохота...

Оставшись безоружным, я сложил пальцы в неприличную фигуру:

– Уйди, файерболом пришибу!

Кажется, публику не впечатлило. Я махнул рукой, выкрикнув что-то вроде «Экспило-рамус». Без какого-либо видимого эффекта. Что ж, фокусник был пьян, фокус не удался... Коряги подступили вплотную, и первая из них клацнула пастью в опасной близости от моих коленок.

Пасть показалась мне очень большой.

Боюсь, что я визжал, как девчонка, увидевшая дюжину крыс. И улепетывал не медленней, разве что не пытался повыше забраться. Трава цепляла ноги, листва хлестала по лицу, по рукам. Коряги нагоняли, я резко повернул, они проскочили мимо, я с треском проломился через густой колючий кустарник.

И с головой ухнул в ледяную воду.

Я вылетел на другой берег широкого ручья так быстро, что, казалось, почти не промок, и рванул дальше. Неизвестно, куда бы я убежал, если бы не плети ползучего растения, подставившие мне подножку.

Грохнувшись во весь рост, я с воплем перевернулся на спину и наудачу пнул воздух, почти ощущая, как в ноги впиваются мелкие острые зубы...

Не впиваются. Коряги суетились на том берегу, и только одна, кажется, именно та, которую я пнул, осмелилась спуститься к воде.

Я по инерции поорал еще немного и заткнулся. Тварюшки либо не умеют плавать, либо, как нечисть, не могут пересечь бегущую воду. Или просто не желают мочить лапы. Их у каждой, кстати, насчитывалось ровно шесть.

До этого дня мне никогда не встречались агрессивно настроенные коряги. Да и шестилапых зверей я видел только на картинках в старой детской книжке.

Сердце еще бешено колотилось, но я набрался смелости и подошел ближе, с любопытством разглядывая тварь, от которой минуту назад удирал без оглядки. Нас разделяло метров десять водной глади.

Больше всего тварь походила на небольшого худого и очень лохматого пса, облаченного в маскировочную сетку. Без шуток, пегая шерсть свалилась длинными прядями, в них запутались травинки, листва, и когда тварь не двигалась, она здорово смахивала на кучу

мусора. В передней части тела имелось возвышение, которое с натяжкой можно было назвать головой. На ней зло сверкали маленькие глазки и скалилась усаженная мелкими зубами пасть. Морда самая мерзкая, так и просит кирпича. Ничего, сейчас обеспечим...

Коряга взвизгнула точь-в-точь как пес, которому попало сапогом пьяного хозяина, и метнулась прочь.

– Получай, фашист, гранату! – нервное напряжение требовало разрядки. Зверюги давно разбежались, а я все орал, хохотал, матерился и швырялся камнями. Наконец, выдохшись, уселся на валун и принялся подсчитывать потери.

Самой чувствительной утратой оказалась вдребезги разбитая робкая надежда, что здесь нет хищных зверей. На втором месте было... Мама дорогая!

Очень осторожно я стянул правый ботинок. Кожа над каблуком была нарезана узкими аккуратными полосками, а закатанная штанина превратилась в сомнительной красоты кружева.

Я проникся уважением к первым представителям фауны, встреченным мной в этом мире. Какие же зубы и челюсти надо иметь, чтобы прокусить насквозь несколько слоев джинсовой ткани, плотную кожу ботинка, устрашающий носок и оставить глубокие порезы на моей пятке!

Да уж, в заповедных и дремучих страшных муромских лесах всякая нечисть бродит тучей и в проезжих сеет страх... Я хихикнул, невольно ежась. Если бы милая зверюшка поранила вот это сухожилие над пяткой, я бы далеко не убежал. Как же оно называется? Кажется, что-то связанное с Гомером... Гомерическое сухожилие... Нет, гомерический – хохот. Примерно таким я только что распугивал лесное зверье и снимал стресс. Впрочем, нет, то был истерический.

А сухожилие – ахиллесово.

Отвлеченно размышляя над всякой фигней, я не сразу обратил внимание, что делают мои руки.

Как я уже заметил, подорожника здесь не было. Зато было растение, похожее на небольшой разлапистый кактус. И сейчас мои руки как раз обламывали нижние листья с этого кактуса и смазывали царапины их клейким соком. Сок был вонючим и едким, щипался, но скоро я почувствовал себя лучше.

А еще я почувствовал недоумение по поводу того факта, что уже во второй раз делаю нечто незнакомое мне, словно само собой разумеющееся. Сначала ягоды, потом кактус... Возможно, я излишне привередлив, но я привык осознавать свои действия.

Закончив с лечением, я занялся сознательными действиями. Разделся, оставшись в трусах, отжал одежду, раскидал по камням и кустам. Выломал себе дубинку взамен потерянной в ходе героической битвы с корягами. Распустил цепочку ключей с тяжелой гайкой, приравливаясь, взмахнул кистенем, маскирующимся под брелок для ключей.

Однажды такой штукой я убил собаку. Не какую-нибудь шавку, а... нет, все-таки и сухопутным крокодилем ту мою жертву нельзя назвать. Так, всего лишь крокодилчик...

Разглядывал одежду, прикидывая, можно ли сообразить из ткани тетиву для лука. Хотя на фиг? Стрелок из меня тот еще. Десяток выстрелов из современного блочного лука, и три (больше не смог натянуть тетиву) из исторически-достоверного, принадлежавшего Светке. И что, стал после этого Робинотом Гудом? Дед меня другому учил.

И насчет того, чему он учил...

Я сломал себе новую палку. Снял с ремня пряжку, расплющил камнем железный край, долго точил о песчаник. Получилось что-то вроде ножа-кастета. Этим ножом я чуть заострил палку, подкинул в руке, привыкая к оружию, сделал несколько махов.

Джинсы пришлось подпоясать стеблями ползучих растений, о которые я так ловко споткнулся. Эти побеги были настолько прочны и гибки, что не рвались и не ломались, и пришлось рубить их импровизированным ножом.

Представляю, как я выглядел со стороны – вооруженный деревянным копьём, подпоясанный лозой, в необработанной шкуре... то есть в рваной ветровке и тертых джинсах. Мокрых. И в одном ботинке.

Гулять босиком по лесу – небезопасное занятие. Пришлось рвать, кромсать острыми камнями и пилить ножом-пряжкой, наконец задник ботинка оторвался. Только так опухшая нога влезала в обувь.

Я потоптался на месте – с бегом придется погодить, – и, опираясь на копьё, потихоньку похрамал вдоль ручья.

Приближался полдень этого мира, второй мой полдень в нем. Мои шмотки просохли и стали выглядеть так, словно их прожевало и выплюнуло неведомое чудовище. Вместе со мной. Солнце уже стояло в зените, когда я совершенно неожиданно вышел на открытое пространство.

Удивительно, как может человеку не доставать чего-то обыденного, привычного. В лесу, где за пятьдесят шагов ничего нельзя было разглядеть, я чувствовал себя так, словно за моей спиной толпятся чудовища и бросают на пальцах, кому из них первым меня есть. На солнечной поляне, сплошь покрытой зеленым ковром травы – тоже, разумеется, совершенно незнакомой, – я словно обрел второе дыхание. Даже немного поорал и попрыгал от радости. А потом сел в эту самую траву, потому что раненая нога дала о себе знать.

«УХОДИ НЕМЕДЛЕННО!!!» – оглушительно грянула труба Гавриила. Я вжался в землю и понял, что если немедленно не уйду с поляны, то тут и останусь. Хладным трупом. Нет, горячим дисперсным пеплом. Ощущение опасности было столь сильным, что меня прямо затрясло. Вскочил на ноги, едва не упал. Массаракш, нога...

Нелепо подпрыгивая, я вбежал под сень леса. Как раз вовремя, чтобы увидеть мелькнувший в небе продолговатый силуэт.

Над поляной пронесся ужас.

Дохнуло огнем в спину, и поляна превратилась в бушующий пламень. Ужас с визгом пролетел надо мной, заложил вираж и снова повернул в мою сторону. Визг превратился в рев, ужас взмыл вверх и пошел на третий заход.

Вертикальный прочерк – сетчатка глаза мгновенно зафиксировала нечто упавшее во мхи. Какой-то инстинкт заставил меня броситься ничком за дерево.

Лес наполнился резким беспощадным светом, каким-то странно *медленным*. Каждый листок отбрасывал острую тень. Я увидел, как свет прожигал листву насквозь.

Из подсознания вдруг всплыло словосочетание старых теленовостей – *ковровые бомбардировки*.

Ужас пронесся надо мной, визг перешел в вой и оборвался на самой басовой ноте, заставившей завибрировать каждую косточку моего тела.

Я забился под елкодуб, не обращая внимания на впившиеся в тело шипы, и долго дрожал между корней так, что дерево сотрясалось вместе с мной.

Нет! Почему так?! Где мой Эскалибур, где прекрасные принцессы, все как одна озабоченные, не ревнивые и никогда не затрудняющие себя и избранника официальной регистрацией? Где могучая разрушительная магия, покорная слову, жесту, взгляду? Где уродливые монстры, жуткие и сильные на вид, падающие от одного щелчка по лбу мизинцем?

Почему ужас над лесом?

Я даже не разглядел, что это было, живое существо или механизм, так быстро оно пролетело. Только ощущение сводящей с ума опасности.

Не скоро я выбрался из колючек.

Опушка преобразилась. Собственно говоря, это уже не было лесом. Скорее – памятником лесу.

Вблизи от эпицентра взрыва зелень превратилась в прах. В тонкий серый прах, мельчайшую пыль, в которой ничто не напоминало ее органическое происхождение. Деревья стояли серые, как театральные гипсовые колонны.

Дальше от эпицентра ветви казались нетронутыми, только приобрели нездоровый оттенок, и стоило их коснуться, они рассыпались в пепел.

Еще дальше деревья истекали соком из-под лопнувшей коры, листья превратились в кружева, свет выжег их так, что остались только сложные паутинные рисунки жилок.

И мне казалось, я чувствовал их боль...

Ручей нес серые хлопья. Дисперсный пепел...

– Кто это сказал?! – заорал я на весь лес. – Кто говорит со мной? Меня забодали твои загадки! Выйди, выйди, покажись!

Никто не отозвался, не вышел. Я выругался, сделал неприличный жест в сторону открытого пространства, повернулся к нему спиной и пошел туда, куда улетело *это*.

Похоже, ничего хорошего под открытым небом меня не ждет. Еще две стороны света на выбор – по опушке влево или вправо. Но тащиться в неизвестное, рискуя попасться на глаза еще одному небесному чудовищу, подвернуться то ли под вакуумную бомбу, то ли под огненный плевок – спасибо, может быть, в другой раз. Я шел за своим страхом.

– В заповедных...

И дремучих...

Ик!..

Наверное, городские бомжи шарахнулись бы от меня, зажимая носы и тараша слезящиеся глаза, гадая – как может человек так опуститься?.. А всего-то для этого надо – долгая прогулка по лесу, не изобильному хоженными тропами, ночевки на голой земле, местная фауна, готовая тебя сожрать, и флора, которую жрать иногда опасно, а иногда... ик... гы!..

Похожее на человека существо шло, примерно выдерживая одно направление, ожесточенно почесываясь, ругало колючки, бормотало бессвязные обрывки песен. Хлюпало простуженным носом и время от времени раздражалось хохотом. Мобильник погиб во время очередного падения в ручей, нельзя было определить время.

Вчера? Или позавчера? Брусники не хватало, я попытался выяснить у своего неизвестного советчика, можно ли употреблять в пищу вот эти плоды. Получилось как в фильме – можно, только отравишься. Я и отравился.

Проблевался.

Опьянел.

– Как мало человеку надо, чтобы окончательно деградировать!.. – провозгласило существо, в очередной раз споткнувшись. – Никогда!.. Сынок, никогда не ешь эту дрянь! Иначе тебя так вштырит, что ты... ик!..

Тут я встал и резко протрезвел. Прислушался.

Еще недавно я почти с ностальгией вспоминал Питер с его людными улицами, а сейчас уже лихорадочно прячусь в колючках на краю оврага. Галлюцинации не добавлялись в список синдромов отравления крапчатыми плодами, значит, человеческие голоса мне не померещились.

Они появились как-то вдруг, словно сгустившись из сырого воздуха.

Семеро... гуманоидов брели против движения ручья. Высокие, корявые. Серо-зеленая чешуя, непропорционально широкие, словно у спортсменов в доспехах для регби, плечи, шипы на локтях и коленях.

Возможно, я расист, но мне почему-то показалось, что встреча с этими гоблинами ни к чему хорошему не приведет. Стараясь двигаться как можно тише, я попятился в глубь колючего кустарника. Увы, спешка и тишина плохо сочетаются друг с другом. Первый гoblin поднял голову, и в мою сторону уставились нечеловеческие глаза и штуковина, подозрительно напоминающая оружие. Отряд остановился.

Я понял, что они переговариваются, хотя сам не слышал ни звука. Едва заметные жесты, движение головы, взгляды пустых глаз, серых, без зрачков.

Самый здоровенный и уродливый гoblin покачал головой и сделал знак пушкой – мол, идем дальше. Уффф, пронесло...

Главарь сделал шаг и вскинул пушку, дуло смотрело мне в лицо.

Вспышка.

Сноп ярчайшего света был почти физически ощутим, толкнулся в лицо, земля поехала под ногами, и в обнимку с колючим кустом я кубарем покатился вниз, врезался в группу, сбив гоблинов с ног, как шар в боулинге сбивает кегли.

Но «кегли» резво вскочили на ноги и направили на меня свои непонятные штуковины самого зловещего вида.

Вблизи гоблины выглядели так, что Фредди Крюгер в сортире повесился, Чужой ушел в монастырь, Хищник застрелился от зависти... Тусклая серо-зеленая чешуя, серые раскопанные глаза на бурых безволосых головах нечеловеческой формы, шипы на локтях и коленях...

Все, что я успел разглядеть, сидючи в ручье, а потом красные лучи взрезали полное туманного пара пространство и уперлись мне в лицо, почти ослепив. Показалось вдруг, что я нахожусь в самом центре нового голливудского боевика. Причем фантастического. «Бластеры» – всплыло название оружия.

Я двинулся, намереваясь поднять руки. Что-то свистнуло, укол был почти незаметен.

Скосив глаза, я обнаружил торчащую из левого бицепса оперенную стрелку, похожую на миниатюрный дротик для игры в «дартс».

Прежде чем мой разум осознал, что в меня стреляли, тело стало действовать. Последующие события произошли очень быстро.

Я изо всех сил рванул кистень – прячась в кустах, привычно накинул петлю на руку. Железная цепь едва не оторвала мне кисть. Гoblin, который, оказывается, наступил на гайку, не удержался на ногах и рухнул, нелепо задрал ноги. Судя по воплям, остальные удивились, обиделись и вознамерились отомстить мне за безвременно упавшего командира.

Вопрос – как поступить, если противник здорово превосходит по количеству и вооружению?

Правильный ответ – делать ноги.

Я вскочил, нарочно подняв тучу брызг, ударил аборигена слева кистенем. Что-то свистнуло мимо, удар не причинил никакого вреда, но сбил прицел. Возвратным движением стегнул гоблина справа в морду, он запоздало вскинул руку, шагнул назад и упал, споткнувшись о небольшое копьё, которое я уронил в падении. Защищаясь его движением, я пнул по ноге левого – словно по камню ударил. В моей или его ноге что-то хрустнуло, гoblin упал, свист – опять мимо.

Я нагнулся подхватить копьё, над головой вжикнуло, дернув волосы. В правое предплечье впилась еще одна стрелка, пальцы разжались, и копьё поплыло по ручью.

От стрелок по коже быстро разбегались волны ментолового холода, мускулы становились ватными. Еще одна ударила в живот – и не пробила куртку и ремень-лозу, завязла.

Я пнул ногой по воде, обдав брызгами и ослепив, повернулся и побежал, петляя, как заяц. Что-то едва заметно кольнуло в поясницу, что-то дернуло штанину, не проткнуло.

А потом подкосились ноги, я упал в воду. Задумался. Лежать в воде было хорошо и спокойно. Лежать было очень уютно. Меня немного беспокоил тот факт, что я не умею дышать

водой, но я решил подумать об этом потом и стал устраиваться поудобнее, собираясь вздремнуть на дне, но тут вода стала горячей.

Пришлось просыпаться и вскакивать. Над головой с ревом пронеслось нечто огненное – судя по реву, то был «Тополь-М». Еще один клуб огня, и снова мимо, ручей почти закипел.

В падении я загнал стрелку глубже в плечо, но даже не почувствовал этого. Поле зрения странно сузилось и «искрило» по краям, в ушах звучал шум Ниагарского водопада, я помнил только, что нужно передвигать ноги, но не понимал, зачем. Все же сделал пару шагов.

Несильно ударило в левое плечо, меня чуть шатнуло вперед, придав ускорение. Что-то мешалось в поле зрения... с трудом сфокусировав глаза, я понял, что они меня обманывают.

Потому что из моего плеча вперед торчало серое острие длиной сантиметров двадцать. Мир погас – будто выключили.

Сознание вернулось рывком. Я приподнялся на локте, морщась от тупой боли в затекшем плече, и рывкнул спросонья:

– Эй вы, там! Не орите, дайте человеку поспать! Блин, такой сон снился...

Ко мне повернулось с полдюжины мерзких рож.

Ой...

Не сон...

Схватившись за плотную повязку, охватывающую плечо, я чуть не взвыл от боли. Я был раздет до пояса, рану закрывала повязка из пористого материала, цветом похожего на кожу. На теле, там, где впились стрелки, были такие же пластыри.

Когда в глазах перестали плавать алые круги, я сморгнул навернувшиеся слезы и уставился на кончик копья, маячившего в опасной близости от моего лица. Выражения уродливой физиономии стража я не разобрал, но понял, что он прямо-таки мечтает, чтобы я его спровоцировал.

На груди гоблина я увидел след моего удара кистенем. От серой метки по панцирю аборигена разбежалась паутина трещин.

Рядом лежала моя куртка, вернее, то, что от нее осталось после путешествия по лесу, и ботинки. А еще мои вещи – утопленный мобильник, нож, несколько купюр и брелок-ключи-кистень.

Очень осторожно я скосил глаза туда, откуда раздавались голоса, явно решавшие мою судьбу. Язык по звучанию напоминал испанский.

– Амигос... Компадрес... Проклятие, кто-нибудь говорит по-русски? По-английски? Парле ву франсе?

Мой страж буркнул что-то угрожающее и сунул лезвие мне под нос. Жест был понятен без перевода, но я не заткнулся, а продолжал звать, борясь с искушением взвыть.

Утомленный моими стенаниями, гоблин размахнулся свободной рукой. Я уклонился и заорал, ударившись раненым плечом.

И снова отрубился.

В носшибанул едкий запах, я чихнул и очнулся. И тут же пожалел об этом.

Плечо онемело, рука была как кусок мороженого мяса, очевидно, вкололи нечто обезболивающее. Главный гоблин спрятал пузырек с запахом и снова что-то у меня спросил, таким тоном в плохих американских фильмах говорят «плохие» полицейские.

– Я требую адвоката, – невольно вырвалось у меня.

Гоблин что-то профыркал неразборчиво, отвернулся.

– Пожалуй, я буду звать тебя драконидом, – сказал я ему в спину. – На гоблинов вы, ребята, не очень-то похожи, только без обид, те покрасивее будут, а дракониды – один в один, разве что без хвоста и крыльев...

Драконид замер. Медленно повернул голову, спросил что-то резким голосом. Я покачал головой и развел руками. В плече плеснула волна тупой боли.

– Не понимаю.

И снова поток непонятных слов, похожих на испанские, часто повторяемое «drako» с явной вопросительной интонацией. Я мотал головой и виновато улыбался – ни хт ферштейн.

Драконид раздраженно махнул лапищей, подцепил жуткими на вид когтями себя за подбородок и... оторвал себе голову.

И под этой уродливой зеленой и бугристой башкой у него была еще одна, видимо, запасная. Темные волосы, загорелое скуластое лицо, карие глаза, смотревшие со злым насмешливым прищуром.

Человек...

И тогда я отколол вот что – встал перед ним на колени и взмолился:

– Умоляю, скажите, где я?!

Я говорил с ними по-русски, говорил на чудовищном школьном английском, которому меня за годы так и не сумели научить, твердил несколько общеупотребительных немецких и французских фраз.

Перепробовав все известные мне слова и фразы чужих языков, даже японского, из которого я знал только «банзай», «охайо», «саенара», «оригато» и кое-какие спортивные термины, я впал в проstration. Они не имели ни малейшего понятия о земных языках.

– Знаешь, – сообщил я Главарю, – во всех фантастических книжках всегда говорится, что герой, попадая в другой мир, тут же начинает понимать чужой язык, как родной...

Мой внимательный собеседник сочувственно покивал. Кивнул на куртку – облачайся, мол. Бормоча проклятия, я с трудом натянул мокрые лохмотья. Мобильник, заточенная пряжка, мелочь из карманов были сложены аккуратной кучкой. Я вопросительно покосился на вещи, Главарь с усмешкой покачал головой, что-то сказал, кивком подозвал одного из драконидов. Тот сложил все в свой рюкзак, напоминающий сидор. Простой крестик на простом шнурке (не люблю религиозный выпендрей) привлек всеобщее внимание.

– Credo? – потребовал от меня Главарь, но попытка общения ни к чему не привела. Я робко попытался забрать крестик... но мне не дали. Главарь перекрестился, остальные последовали примеру босса, требовательно глядящего на меня.

Что ж, мне нетрудно.

Я перекрестился... и тут же оплеуха сшибла с ног. Верховный драконид еще и пнул в живот, я скрючился, оберегая рану, но меня лишь ткнули пяткой.

Не вставай. Нога просто напрашивается на залом, но – не вставай, с твоей раной...

Главарь бранился и брызгал слюной. Кажется, я несколько раз слышал что-то вроде «heretic».

Конфликт вер. Они крестились на католический манер, а вот я – на православный. Но почему даже здесь?..

Босс поуспокоился, и к нему подошел один из драконидов, что-то сказал удивленно, демонстрируя недлинное копьё. На лезвии наконечника запеклась кровь.

Моя кровь.

Голова закружилась, подкатила дурнота. Я до скрежета сжал зубы, давя тошноту и животный ужас, посмотрел в лицо дракониды, прожигая в памяти каждую черточку. Простая физиономия, изрытая шрамиками угрей, немного выдающиеся вперед челюсти, два неровных шрама на подбородке.

Тебя я запомню, урод...

Почему-то вид моей крови на лезвии всех крайне озадачил. Главарь издал удивленный возглас, люди столпились, чуть не стучаясь головами, и принялись спорить. И спорили,

пока Главарь не наорал на всех и отправил копыеносца, судя по нескольким выразительным жестам, сразу в несколько таких мест, попасть в которые одновременно довольно затруднительно.

Драконид, однако же, пошел всего лишь к ручью. Омыл лезвие, почистил пучком травы. Я смотрел, как моя кровь расходится в воде, и темное предчувствие захлестывало волной.

Да уж, это определенно не так называемое юмористическое фэнтези, какое в последнее время повадились строгать эпопеями. Сказка переставала быть сказкой, превращаясь в необычайную, волшебную, сказочную, но – реальность.

У меня есть Сила. Я могу призывать искорки. Могу общаться с деревьями. Могу наколдовать страхолюдную образину. Наверняка могу что-то еще.

Но ведь и меня могут сожрать бродячие коряги. Я мог отравиться теми ягодами. Мне могут пустить кровь эти дракониды.

И наверняка меня могут даже убить – совсем насмерть.

Главарь ткнул меня ногой – вставай, мол. Двое драконидов подошли вплотную, взяли в коробочку, стянули запястья эластичной лентой – хорошо еще, что впереди. И подтолкнули в спину – шагай, военнопленный...

Кажется, принцесс, волшебных откровений и просьб спасти мир в ближайшее время не предвидится...

Двое конвоировали меня в середине походного порядка. Иногда мои сбитые ноги заплетались, и тогда меня подбадривали тычком. Среди закованных в доспехи людей я казался себе пигмеем. Останки моей одежды давно высохли, страшно хотелось пить, жажда усугублялась тем, что ручей журчал всего в нескольких шагах. Пот заливал глаза, скованные руки болели, рана под тугой повязкой нестерпимо чесалась, чесались все царапины, залепленные пластырями. К тому же, кажется, наступил отходняк от крапчатых плодов, что я сдуру съел.

Однажды мы спугнули выводок хищных коряг, больше нам никто не встретился, но все вели себя так, словно находились на территории врага... Блин, а не влип ли я в какую-нибудь местную заварушку?

Попытка подать голос привела к тому, что мои конвоиры швырнули меня на камни, прикрывая своими телами, остальные мгновенно рассредоточились, вода по сторонам своими бластерами. Спецназ, да и только...

Убедившись, что опасности нет, ко мне подвалил Главарь и лениво, с оттяжкой съездил мне по зубам. Я захлебнулся матом и кровью из разбитых губ и носа.

Су-у-ука же...

То, что произошло потом, было моей данью всем голливудским боевикам, смотри подраздел «мужественное поведение Главного Героя в плену мерзких злодеев». Когда во рту набралось достаточно крови, я сочно харкнул в маску Главаря. Он отшатнулся, неловко стирая руками в перчатках кровь и сопли, потом так врезал мне под дых, что я задохнулся и обвис на руках конвоиров. В глазах поплыла кровавая муть, удары чувствовались как через толстую фуфайку.

Очнулся я уже в ручье. Вдохнул воды, ошалело вынырнул, кашляя, мотая головой, под дружный гогот «спецназовцев». Главарь, стоя на берегу, приметился пнуть мне в лицо, я довольно неуклюже закрылся здоровой рукой, и пинок снова сшиб меня в воду.

Главарь сделал недвусмысленный жест «вылезай!», когда я не послушался, конвоиры спрыгнули в ручей и после недолгой возни выкинули меня на берег. Промотивировали парой-тройкой тычков и снова потащили в неизвестность.

Почему мне кажется, что о Женевской конвенции здесь слыхом не слыхивали?

Главарь гнал команду так, словно опаздывал на собственные похороны, знай только гляди под ноги. Тычки конвоиров вселяли в меня бодрость.

Объявили привал. Все, кроме двух драконидов «на стреме», расселись, сдвинули забрала шлемов и распахнули кирасы. Интересно, у них везде мода такая, или только у подобных отрядов быстрого реагирования? Может быть, мне удастся преуспеть в этом мире как кутюрье? Что за бред лезет в голову...

Мне сунули серую плитку размером с ладонь, цветом и фактурой похожую на кусок ДСП. Остальные дракониды уже всю хрустели этими плитками, не забывая поглядывать по сторонам. Я куснул свой паек, скривился – по вкусу тоже то еще дерево-стружечное месиво. Нечто среднее между самой дешевой заварной лапшой и пенопластом.

Командир неодобрительно буркнул что-то вроде «ешь что есть, устриц здесь не подают», – и сам показал пример. Я старательно прожевал откушенное, давась, проглотил и в качестве поощрения получил небольшую фляжку с водой.

Я украдкой разглядывал своих пленителей. Все широкоплечие, скуластые, темноволосые... какого-то непонятного, как же это именуется... расового типа, что ли. То есть не сразу определишь, русский ли, еврей, потомок горячих горцев или вообще дедушка был негром.

Оружие и снаряжение... странное. Бластеры, похожие на короткие автоматы с какими-то наворотами вроде лазерных прицелов и подвесок для гранатометов... вернее – стрелкометов. На поясе – патронташ и, видимо, аптечка. Сидора с запасом сухпайков. У двоих стоящих на страже – копыя... или пики... или... в самом деле, что это такое?

Длинные, в рост человека, из гибкого легкого материала, не понять, дерево ли, металл, пластик. Две трети длины – древко, плавно перетекает в лезвие, между нет ни гарды, ни крестовины, вообще граница никак не обозначена и лишь угадывается. Лезвие широкое, наверняка очень острое, если судить по легкости, с которой такое копыце пробило мне плечо. Похоже на чересчур короткий меч на слишком длинной ручке.

Все-таки – зачем? На фигу нужна этакая неуклюжая палка, если есть бластер? На Земле с усовершенствованием огнестрельного оружия холодное перестало быть основным, оставаясь лишь в качестве штыков, ножей... что-то ритуальное, вроде японских мечей, парадных сабель или морских кортиков.

Я тут же получил ответ. По сигналу командира двое отставили свои сухпайки и фляги, встали, одинаковыми движениями взяли за пояса. И пояса развернулись с негромким шелестом, в руках драконидов оказались те же копыя – гибкие, струнно дрожащие. Часовые шагнули к месту привала, отсалютовали заступающим на пост пиками и небрежно подпоясались потерявшим жесткость оружием.

Так. Кажется, это не металл... и едва ли пластик...

Чего? Нет, не встану, идите без меня, я догоню, только пистолет оставьте... ну, и одну из этих пик, интересно же.

Кажется, мой маленький спектакль был даже чересчур убедителен. Поверив, что я устал до полусмерти, Босс рявкнул короткий приказ, и ко мне подошел драконид с пистолетом-инъектором – я припомнил, что видел похожий в каком-то фантастическом фильме.

Ох... надеюсь, меня не усыпят будут.

– heretic! – сказал драконид насмешливо и пошевелил пальцами, иллюстрируя свои слова. *Сейчас ты у нас побежишь, еретик.*

Вокруг изготовились меня держать, чтобы не рыпался, получив пару тычков, я без особой охоты подставил плечо. Медик ширнул прямо через рукав водолазки в плечо дозу чего-то стимулирующего. Через пару минут я чувствовал себя так, словно черти меня не доварили в котле с серой. Усталость испарилась, под кожей бегали муравьи, цвета стали яркими, звуки оглушающими.

– heretic! – Доктор захохотал. *Что, хорошо тебе, еретик?*

Я послал его по матери, кажется, он тоже понял меня правильно. Заржал, цапнул рукой за шиворот, потянул вверх – поднимайся, мол.

Мы шли до самой темноты. Вечером я в два счета сожрал свой паек, уже не обращая внимания на картонный вкус. Снова подошел драконид со шприцем, я подставил плечо и поймал косой взгляд Главаря. Поздно понял: что-то не то, рыпнулся было, но с двух сторон подперли шкафообразные ребята.

Действие этого укола было прямо противоположным тому, стимулирующему. Меня как будто выключили. В глазах потемнело, ноги и мысли стали заплетаться. Казалось, что происходящее происходит не со мной, что я смотрю со стороны. Сознание словно раздваивалось, знакомое ощущение – эффект ведения, как будто ты не успеваешь за самим собой, бывает, когда пьян...

Допрос с применением наркотиков?.. Ага. Скажите на милость, как я пойму ваши вопросы, как вы истолкуете мои ответы?

– Лишь бы не выдать расположения Земли. – Я обнаружил, что говорю вслух. Лица допрашивающих вытягивались, искажались, как в кривых зеркалах комнаты смеха. – Лишь бы не выдать... а то они нас захватят, всех женщин трахнут, всех мужчин сошлют на урановые рудники...

– Ты что, знаешь, где Земля находится? – удивился я.

– Знаю. – Я кивнул, мир покачнулся и едва не обрушился мне на голову. – Она там... Возле Солнца, чуть ниже Марса...

И задумался – кажется, это была цитата?

Главарь что-то спрашивал, снова на разных языках.

– Дружище!.. – ответил я проникновенно. – Ты не поверишь, но я вам ничего не скажу!.. Я просто не знаю, где находится Земля, ага!.. Галактика Млечный Путь!.. Она спиральная вроде бы!.. Ты знаешь, сколько таких галактик? Оч-ч-чень много!.. А дальше – желтая звезда где-то на окраине!.. Таких звезд – навалом, ищите, ха-ха-ха!..

Туман сгустился до консистенции ваты, вокруг меня происходило какое-то шевеление. Я поднял глаза и посмотрел в свое отражение в глазницах-фасетках шлема.

Драконид поднял маску, наклонился ко мне и заглянул в глаза.

Я грохнулся о черный камень и покатился, обдирая руки и ноги. Встал.

– Что за...

Под ногами блестел черный антрацит и переливались алмазы, огромные, как льдины, выброшенные на берег во время ледохода. По бокам вздымались острые кручи. Я был в каком-то ущелье. Над головой равнодушно блестели звезды.

– Эй!.. Где я?!. Кто-нибудь...

Я осекся. Искры звезд заслонили какие-то тени, беззвучно мечущиеся, угрожающие...

Замерев, словно испуганный зверек, я краем глаза следил за их барражированием. Стоит взглянуть напрямую, и меня заметят. Не смотреть... не двигаться... не думать...

Словно отвратительный вороний грай раздался над головой, и я сорвался с места.

Бежать по черным и прозрачным плитам было очень неудобно, я падал, катился, карабкался, резал руки об алмазы и разбивал колени и локти об уголь. Быстрее, быстрее...

Скрипучие вопли нагоняли. Не сбежать. Я прислонился спиной к гигантскому кристаллу, загравленно глядя на приближающиеся черные тучи.

Но они отчего-то отхлынули прочь, в яростном визге и клекоте мне послышались испуганные нотки.

– Занятно, – сказал кто-то.

Я шарахнулся и сел в уголь. Голос доносился от алмазной плиты!..

Женщина.

Высокая и стройная, в каких-то черных лохмотьях. Босая, с руками, обнаженными по локоть, с длинной открытой шеей и темными волосами с несколькими седыми прядями. Правильное бледное лицо, прищуренные глаза и досадливо поджатые губы – словно она была мной недовольна.

– Конечно, недовольна, – подтвердила леди в лохмотьях. Несмотря на свой прикид, она действительно выглядела как-то аристократически. – Посмотри на себя.

Я быстро глянул вверх – стаи не спешили приближаться, кружили в отдалении. У меня сложилось впечатление, что они боятся женщину в кристалле.

Так что я счел за благо ее послушаться и оглядел себя. Да, зрелище еще то. В рванине, по уши перемазан углем, алмазная пыль припорошила царапины, словно стрептоцидом.

– Удираешь от какого-то мыслегляда-слабосилка!.. – презрительно воскликнула Леди. Голос у нее был сипловатый, пробирающий до костей. – Позор и поношение!

Я заморгал, осознав ее слова и вспоминая то, что произошло недавно. Мне вкололи какую-то гадость. Мне посмотрели в глаза и залезли в мозги. Нет... еще только пытаются.

Допрос с применением наркотиков и телепатии!..

– Ну, хоть что-то вспомнил, – кивнула Леди. – Я уж думала, ты все немногие мозги от страха растерял.

– А это?.. – Я огляделся.

– Отражение происходящего в твоём сознании. Ну, и что ты намерен делать?

– Если это мое сознание... значит, я смогу здесь обороняться от вторжения? – неуверенно предположил я.

– Интересно, как?

– Воображением, наверное, силой воли...

Леди перекривилась, словно лимон откусила.

– Какой-какой силой? Это у тебя-то?

Я немного обиделся.

– Ну, хоть что-то, – одобрила собеседница. – Что ж, если ты твердо намерен драться, я тебя оставляю...

Нет, чуть не завопил я, но только и мог что смотреть, как Леди становится все бледнее и прозрачнее, словно ее кристалл. Перед тем как растаять окончательно, она приложила руку к груди и склонила голову.

Ну и к чему был этот уважительный жест после того, что она мне тут наговорила? Я запоздало ответил таким же приветствием... и понял, что это был еще и намек.

– Вот именно, – прозвучал голос Леди. – Вообще, дурной ты себе ключ подобрал для обращения ко Тьме, ну да ладно, помогу разобраться...

Не обращая внимания на ликующие вопли крылатых тварей, я положил руку на грудь и попытался призвать мою Тьму, о которой когда-то решил, что самое место ей – именно здесь. Права Леди, глупый образ придумал в качестве ключа к моей темной силе. Впрочем, Леди пообещала помочь разобраться... Кто бы она ни была, но верю, такая поможет. Вот только чем отдариваться придется?

Ну же, ответь мне, моя сила!..

И моя правая рука провалилась в мою же грудь по самое запястье.

Я чуть не заорал от ужаса, пришлось стиснуть зубы и напомнить себе, что все происходящее – лишь воображение. Ломотная боль охватила кисть. Под немеющие пальцы что-то попало, я схватил рукоять и выдернул руку...

– Издеваетесь?!

Это был никакой не меч. Китайская подделка под балисонг – в точности как тот, утопленный во мху. То еще мистическое оружие.

Ладно, за неимением гербовой... кажется, мне не дадут времени попробовать еще раз. Да и не получится, чувствую. Эх, давненько не брал в руки, в последнее время все больше по длиннодревковому...

Ощущение хоть какого-то оружия в руках привычно приободрило. Я раскрыл «бабочку» и вскинул над головой, и темно-фиолетовое пламя полыхнуло на клинке.

И стаи птиц, летучих мышей, невероятных крылатых химер, словно пришедших из ночных кошмаров, налетели на меня с воплями и визгами.

Я взмахнул мечом... пардон, ножиком. Отсеченные крылья и щупальца распались мелкой едкой пылью. Твари пытались собраться, выбить из руки, захватить клинок и вырвать... но не могли. Я протыкал и резал, пылающий фиолетовым пламенем мистический нож с легкостью кромсал черных уродливых существ. Они превращались в прах, я дрался уже по колено в мелкой пыли.

Вдруг все кончилось. Оставшиеся в живых кошмары метнулись прочь. Нет уж, так легко вы не отделаетесь. Я вскинул нож, словно целясь, и приказал: гори!..

И удирающих тварей объяло фиолетовое пламя. Раздался отвратительный вопль, пылающий клубок чудовищ грянулся оземь, а на меня с черного неба обрушились потоки очищающего ливня...

Вода плеснула мне в лицо, угодила в рот, в нос.

Я лежал на спине, закашлялся, с трудом перевернулся, опираясь на локти. Нутро вспучило, и меня стало рвать густой дрянью.

В полной мере прелести похмелья мне никогда не доводилось испытывать. Но, думаю, похоже. Еле достало сил держать на локтях и коленях непослушное тело. В голове все еще бродила какая-то хмельная чушь, гораздо более крепкая, чем медицинский спирт. Кажется, мне что-то блазнилось, помню черное, сверкающее и фиолетовое...

Я осторожно повернул голову и при виде дракониды сразу почувствовал себя лучше.

Он выглядел неважно. Лицо, бывшее округло-сытым, опало, словно сдувшийся воздушный шарик, под глазами синие мешки, сами глаза красные, щеки висят. Дышит тяжело, хрипло. Морда и доспехи мокрые – знать, тоже приводили в чувство холодным душем.

Использовать телепатию, чтобы вломиться в чужую голову... Смерть за такое.

Он что-то видел в моей памяти. Вряд ли многое, но...

Воинствующие религиозные фанатики – это не то, что я хотел бы видеть на старушке Земле. Бластеры у них есть, а что еще может найтись в запасниках? Как насчет Врат, способных провести через границу миров, чтобы принести отсталым дикарям другого мира свет истинной веры?

Итак, нельзя, чтобы они узнали о нашем мире. Значит...

Договаривай уж. Есть лишь один способ заставить человека надежно замолчать.

Нити, связывающие наши разумы, рвались, но связь еще сохранялась. Телепат вскинул голову, поймав эту мою мысль.

Когда-нибудь я тебя убью.

Рука дракониды размазалась в воздухе.

И оказалась в захвате, чуть нажми, и захрустит. Все-таки Дед чему-то научил меня...

Только затылком видеть не научил. Сам-то умел, но сказал, что этому нельзя научить – оно само придет, когда получишь пару раз по этому затылку...

Вот я и получил. В голове будто взорвалась банка с алой краской.

Очнулся носом в траве. Дракониды разговаривали надо мной на повышенных тонах, кто-то ткнул сапогом в ребра. Я перевернулся, сел с трудом. Сильная рука схватила за ворот и поставила на ноги. Я окинул взглядом столпившихся вокруг меня драконидов.

Закованные в бурые доспехи фигуры казались совершенно одинаковыми, разве что Главарь повыше всех, но я знал теперь, за какой маской скрывается телепат. Знал так же точно, как если бы он был подсвечен алым маркером, словно в компьютерной игре.

Я убью его. Это необходимо!..

Главарь буркнул что-то, державший меня драконид толкнул в мох, грубо действуя, снял ленту-наручники и тут же привязал к деревцу. Невысокому, но кряжистому, такое не выдержать и не утащить с собой. Снова поднес инъектор. Я брыкнулся, меня пнули, я угомонился, меня ширнули. Я попытался сопротивляться действию укола, но тело налилось вялой тяжестью, и я отрубился в неудобной позе.

Глава 3 Имплант

Утром я проснулся с дурной головой, едва успел пожрать, попить и сходить в кустики – разумеется, в компании бдительного стража.

И мы пошли.

На дневном привале повторился ритуал смены часовых, драконид, что ранил меня, уселся рядом, собираясь вернуть оружие на пояс. Я присмотрелся.

Копье вовсе не меняло жесткость. Оно... таяло. Как будто было сделано из жидкого металла и сейчас плавилось, принимая новую форму.

Заметив мой интерес, драконид оскалился, махнул рукой, изображая бросок. Я опустил глаза, опасаясь, что он заметит в них жажду крови, передернулся, тронул раненое плечо.

Урод довольно гыгыкнул, пододвинулся ближе и эффектным движением дернул копьё с пояса. Я отшатнулся, завороченно наблюдая, как копьё возвращается первоначальный вид. Урод протянул мне оружие рукоятью вперед, явно предлагая взять. При этом безбоязненно перехватил за лезвие – и тонкое острие изменило форму, образовав рукоять там, где легли его ладони.

Я понимал, что ничего хорошего из этого не выйдет, но что-то словно толкнуло под локоть, и моя рука уверенно легла на холодную рукоять.

Оно было удивительно легким. Я поводит рукой, привыкая, слегка подкинул оружие, поймал, и лезвие вдруг само изогнулось, нацеливаясь острием в сторону Урода. Рукоять потеряла жесткость, потеплела и шевельнулась под пальцами, подстраиваясь к ладони. Материал плавился, перетекал, образуя что-то вроде ятагана...

И, словно отзываясь на эту мою мысль, оружие превратилось в изогнутый клинок с заточкой на внутренней стороне. Я перестал различать, где моя рука, где оружие. Оно словно стало частью моей нервной системы, меняясь по желанию хозяина, по моему мысленному приказу.

На лезвии возник булатный узор, линии перекрещивались, превращаясь в мелкую ромбическую чешую, клинок снова поплыл, изгибаясь дугой самурайского меча, рукоять поросла гардой, под ладонью как будто возникло классическое треугольное плетение...

Я поднял голову и посмотрел на драконидов.

Прямо в зловеще тлеющие огоньки нацеленных на меня бластеров...

Главарь жестом приказал положить оружие на землю.

Я знал, что успею, смогу срезать одного, второго, даже срубить третьего, стоявшего неосторожно близко, броня не будет проблемой для сверхострого лезвия. Ну, достану четвертого, а дальше что? Магия как оружие не годится – слишком слабо взаимодействуют мои светлячки с физическим миром, а Тьму долго призывать.

Если взять в заложники... нет, эти парни едва ли поведутся на такое...

Главарь снова предложил положить оружие, и по дрожи бластера в его руках, по лихо-радочному блеску глаз я понял, что третьего предупреждения не будет. И так и этак прикинул расстановку сил – нет, всех не положить. Лишь в фильмах мечи рулят против огнестрельного оружия.

Вновь обмякшее оружие сделало попытку обмотаться вокруг руки, явно не желая расставаться со мной. Я оторвал с усилием, когда ладонь потеряла контакт с рукоятью, почувствовал что-то подобное фантомной боли – будто сам себе выдергивал, скажем, ноготь.

Главарь нетерпеливо двинул бластером. Я отшагнул в сторонку. Урод наклонился к мечу, не спуская с меня глаз.

И заорал.

Дула бластеров дернулись к нему, кто-то явно едва не выстрелил, я вжал голову в плечи, чуть не бросился ничком. Урод вопил, ругался и приплясывал, потрясая рукой, брызги крови во все стороны летели с перчатки.

Наверное, именно благодаря перчатке клинок не отхватил ему руку, но рана оказалась довольно жестокой. В горячке боли и злости драконид едва не попытался цапнуть непокорное теперь оружие и левой, но Главарь успел первым, бешено выругался и отвесил Уроду такого пинка, что тот отскочил метра на три и встал по стойке «смирно».

Я прикинул, успею ли схватить оружие с земли или выхватить у кого-нибудь. Словно подслушав мысли, Главарь пролаял несколько приказов, и меня оттеснили в сторону. Но глазеть никто не запрещал.

Главарь наклонился к оружию, и... я не поверил своим глазам. Перекрестился, потом перекрестил непокорный клинок, сложил руки и забормотал молитву на явной латыни – по крайней мере, звучание окончаний было точь-в-точь.

Узоры, выдуманные мной, потускнели, и я почувствовал, что оружие перестало быть моим.

Главарь кивнул Уроду. Тот уже успел заклеить рану, уронил несколько капель на лезвие. Кровь блестела рубином.

Впиталась!..

Драконид облегченно вздохнул. Наклонился и подобрал, слегка сжал рукоять, потом сильно, словно желая удавить. Чешуйчатый узор на лезвии плыл, менялся, превращая клинок в обычное несурзное копье.

Мои охранники расслабились и опустили оружие, но продолжали тарашиться на меня с крайним недоумением, даже оторопь брала. Главарь подошел к неосторожному, подождал, пока тот опояшется оружием, и дал по морде. Урод не успел или не попытался избежать удара, только утерся, размазывая юшку по лицу. Главарь повернулся ко мне, я понял и даже попытался увернуться. В глазах полыхнуло, что-то лязгнуло. Мои зубы.

Я понял, что лежу на земле. Потрогал вторично расквашенные губы, языком пересчитал зубы – все на месте. Ладно, запишем на счет.

Меня подняли на ноги, конвоир коротким тычком обозначил направление. Когда я не сразу внял, страж напомнил, кто здесь хозяин положения. Аж в ушах зазвенело от удара.

Бессильный гнев я отложил в сторонку до тех пор, пока не смогу его выплеснуть. Головная боль не мешала обдумывать случившееся.

Копье... такое простое, примитивное оружие. Гораздо более сложное, чем любое земное. Оно живое!.. Живое!..

Оружие – продолжение твоей руки, говорили мастера боевых искусств на Земле. Но настолько полное слияние не могло бы им даже присниться. Ощущать оружие, перестраивать по своему хотению, чувствовать его мысли. Сила плюс пять... Ловкость плюс семь... бонус против нежити... Я отважный Конан-варвар...

Не ври самому себе. Это был ты. Не живое копье. Ты сам хладнокровно прикидывал, хватит ли у тебя сил укокошить всех их. Ты, спортсмен, сколько раз в жизни дрался всерьез, посмотри на себя!.. Кто ты сейчас? Что ты чувствуешь?

Возможность прервать жизнь не доставляет радости маньяка, но вопрос выбора между «я убью» и «меня убьют» для меня уже не стоит.

Кем же я здесь становлюсь? Человек смотрит в бездну, а бездна смотрит в него, кто это сказал?

Поздним утром следующего здешнего дня мы добрались до места катастрофы.

Тогда я не успел толком разглядеть ужас, который меня бомбил, но сейчас с уверенностью мог бы сказать, что это именно он.

Главарь подозвал меня и кивнул в сторону ужаса.

– Дракон! – наставительно сообщил он, мол, вот что мы искали и что у тебя спрашивали.

– Ага, понятно, – сказал я, подобрав челюсть. Ну, если вам угодно, я буду считать драконом этот разбитый бомбардировщик или истребитель, сброшенный с небес на землю местной версией «стингера».

Срезанные корпусом самолета ветви деревьев успели повянуть и высохнуть – или пустить корни, ну и живучая же здешняя флора... Судя по просеке в листве, самолет рухнул очень круто.

Серый, вытянутый, с хищно-узкой мордой, метров пять в длину и полтора в самом широком месте в ширину, плавные обтекаемые обводы, крылья не выделены, косо-плавно отходят от корпуса. Словно выкованный из единого куска металла, самолет походил на гигантский наконечник древнего копья.

Треснувший и траченный ржой наконечник, до половины вбитый в землю. Часть морды и одно из крыльев самолета были смяты и, видимо, порваны взрывом, серая обшивка в горелых пятнах. Разорванные внутренности, вовсе не похожие на механизмы земных машин, напоминающие скорее внутренности животного обилием трубок и чего-то вроде живой ткани, были страшно перекорежены.

Главарь повозился у носа, и часть «наконечника» отделилась. Сначала мне показалось, что кабина по самые края была залита строительной пеной. Коричневая корка вздулась пузырями, и в ней, словно влипшие в клей жуки, угадывались два силуэта.

Пилоты.

По знаку Главаря кто-то из бойцов залез в кабину, отламывая куски пенопласта. Драконид подцепил одного из пилотов за шкурку и без особого труда вынул из ложементов. Двое внизу приняли, аккуратно уложили на землю. Приняли второго.

Пилоты были одеты в облегченный вариант доспехов, носимых драконидами, без всяких прикрас вроде шипов и стилизации под зверя. Главарь преклонил перед мертвыми колени, снял с одного шлем.

Лицо мертвеца было сиреневое, на губах застыла кровь, ссохшаяся в бурую корку.

Телепат снял шлем с другого. У того лицо было белое, без следов крови. Совсем мальчишка, подумал я, не старше меня. Глаза блестели, как стеклянные пуговицы, между белыми губами поблескивали зубы. Меня замутило, но я не отвернулся.

Мне доводилось видеть мертвых. Чистые, причесанные, в лучших нарядах, строгие лики в обрамлении белой ткани, почти незнакомые в покое смерти.

Вне гробов мертвых я видел только по ящику в новостях. Мельком, ибо сразу переключал.

«Они лежали, как будто спали...» – не помню, где встречал эту фразу. По мне, перепутать спящего и уснувшего навеки невозможно. Может быть, в отношении тех, для кого смерть нагрянула неожиданно, или тех, кто ждал Костлявую без страха и принял спокойно, такое сравнение и впрямь верно. Но тех, кто яростно дрался за жизнь и не верил в небытие...

Так странно, так страшно – вот лежит то, что было человеком, но он не откроет глаза, не встанет, не заговорит, не засмеется...

Пока дракониды возились с пилотами, доктор подошел ко мне, снял повязку с плеча. Я вытаращил глаза.

Конечно, раньше мне никогда не доводилось получать таких тяжелых ран, но мне почему-то казалось, что проткнутое насквозь плечо должно заживать гораздо медленнее!

Вместо раны – аккуратный шрам, на вид давнишний. Рука слушалась плохо, еще бы, ведь я долго ей не двигал. Стоило осторожно повести плечом, как под кожей раскатывались волны болезненного зуда. Доктор вколол мне что-то и наклеил прямо на шрам круглый пластырь.

– Ага!.. – довольно воскликнул Главварь. Я оглянулся.

Драконид вертел в пальцах... штуковину. Небольшой цилиндрик размером с пальчиковую батарейку, цвета сырого мяса и с тупым острием на торце. Главварь подозвал доктора, поболтал с ним какое-то время, причем доктор, как это и за нашими отечественными водилось, пару раз явно изъяснялся на латыни.

– Ты! Подойди!.. – Слова чужого языка сопровождались выразительным жестом, делающим их понятными. Я замешкался, уж больно нехорошо доктор и Главварь поглядывали на меня во время беседы. Один из конвоиров засопел за плечом, и я нога за ногу поплелся к ним.

Доктор что-то делал с цилиндриком. Я споткнулся. Тупое острие на конце открылось, словно цветок, и лепестки его хищно заблестели кривыми иглами. Походило это на пасть какого-нибудь чудовища, инопланетного червяка.

И эта пасть явно примерялась ко мне!..

Меня подтолкнули в плечо. Мгновенно качнувшись, я взял на прием, с удовольствием услышал влажный хруст. Поворот, косой удар ногой в живот – второй конвоир улетает, я бросаюсь прочь, перепрыгивая того, кто попытался броситься мне в ноги, сшибаю еще одного, обдирая кулак о броню...

Удар.

Я покатился, врезался в дерево. Удар, удар, я скорчился на земле, чувствуя, как сыплются со всех сторон пинки.

– Хватит!.. – раздался запрещающий возглас, надо мной возникли Главварь и доктор. Они весело скалились, и червяк в руке доктора тоже скалился.

– Борзый, – с насмешкой сказал Главварь. – Прошу вас, док. – Сделал жест в мою сторону.

– А-а-а!.. – заверещал я. – Уберите эту гадость!..

Доктор наклонился, проворковал:

– Пациент буйный. Держите его.

Мои руки прижали коленями, схватили за ноги, повернули голову вбок.

Что-то коснулось виска, укололо неощутимо. Я снова заорал благим матом.

Потом просто матом, когда боль стала сильнее.

А потом позорно завизжал, когда червяк в руке доктора наконец распробовал меня и принялся вбуравливаться в череп.

Боль ударила, как будто раскаленным гвоздем пробило кость и мозг. Полыхнули вспышки молний, гром не заставил себя ждать, тело задергалось в судорогах, чуть не раскидав держащих...

И вдруг все кончилось.

Я понял, что валяюсь ничком и трясусь крупной дрожью. Вокруг царило молчание. Остро пахло мхом и рваной моими конвульсиями травой.

Сипло застонав, я перевернулся. Свет резанул по глазам. Потом стало темно.

Небо заслонила фигура Главваря.

– Скотина, – пробормотал я. Рядом возник доктор, что-то говорил. – И ты тоже гад.

Рука неуверенно потянулась к левому виску. Что-то попало под пальцы – сухое, шуршащее. И по-прежнему соединенное с моей головой!..

Я взвыл от ужаса и дернул, отбросил прочь, словно ядовитую змею.

То, что осталось от цилиндрика, лежало в травах, безобидное и пустое. Оно напоминало именно шкурку змеи – серая полупрозрачная оболочка. По виску бежали теплые струйки крови. Голова болела.

Дракониды молчали.

Я поднялся, встал, шатаюсь, и дракониды окружили меня, внимательно глядя. Кажется, они ждали чего-то интересного.

Что ж, я их не разочаровал...

Передо мной в воздухе полыхнул огромный белый иероглиф. Я шарахнулся прочь и только потом понял, что иероглиф этот не снаружи, а внутри – в моей голове!..

Дракониды жизнерадостно заржали. Судя по их довольным рожам, представление еще не окончилось. Вдоль позвоночника по обе стороны всадили дюжину игл, я охнул и чуть не выпрыгнул из одежды. В голове запульсировала боль, она все нарастала и нарастала, свет становился ярким, режущим.

Потом боль пропала, пришло нечто худшее. Сначала мне показалось, что я схожу с ума. Я вдруг стал больше себя самого, а потом понял, что настоящий я находится во мне, такой маленький, что я невольно его пожалел. Потом ощутил себя лишним в самом себе и захотел вырвать себя из себя. А потом я стал нормального размера, и все кончилось.

Иероглиф пылал передо мной, мир дрожал, раздваивался, но знак был виден ясно и отчетливо. И я вдруг понял, что знаю его значение.

НАСТРОЙКА.

Едва понимание пришло ко мне, как знак изменился. Теперь он гласил: *ПЕРВИЧНАЯ НАСТРОЙКА ЗАВЕРШЕНА УСПЕШНО.*

Побежали более мелкие знаки. И я их понимал!..

ВНИМАНИЕ!.. ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ОБЛАДАЕТ ПРИОРИТЕТОМ «ВЕЧНЫЙ». СБРОС ПРЕДЫДУЩИХ НАСТРОЕК. ПОДГОТОВКА УСТАНОВКИ ПОЛНОГО ПАКЕТА.

ЗРИТЕЛЬНЫЙ КАНАЛ – ЕСТЬ.

СЛУХОВОЙ КАНАЛ – ЕСТЬ, – это сообщение сопровождалось шорохами и гулом в ушах.

ТАКТИЧЕСКИЙ РАСЧЕТНЫЙ МОДУЛЬ – ЕСТЬ, – промелькнули какие-то цифры, символы, все слишком быстро, чтобы я успел что-то понять.

БАЛЛИСТИЧЕСКИЙ РАСЧЕТНЫЙ МОДУЛЬ – ЕСТЬ, – вспыхнули разноцветные линии, погасли.

ТЕЛЕПАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР – ЕСТЬ, – странный шепот на грани слухового порога, смутные образы.

РАДИОЦЕНТР – ЕСТЬ, – хруст, похожий на радиопомехи.

ЦЕНТР КОРРЕКЦИИ ФИЗИЧЕСКИХ КОНДИЦИЙ – ЕСТЬ, – кожа вспыхнула огнем, потом волнами накатился холод, боль, страх, снова жара и зуд в костях.

ФОРМАТИРОВАНИЕ ПАМЯТИ – ЕСТЬ, – замелькали схемы, какие-то списки. Я заорал было, вообразив, что мне сейчас сотрут память, но ничего подобного не случилось.

ВТОРИЧНАЯ НАСТРОЙКА ЗАВЕРШЕНА. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ВЕЧНЫЙ, – гласили буквы. *ДАННЫЙ ИМПЛАНТ ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС. ЗАПРОС.*

Этот хренов червяк залез в мою голову и сейчас грызет мозги, что-то там настраивая!..
– Вставай, – сказал Главварь.

Я со стоном поднялся – и когда успел грохнуться?.. Замер, сообразив.

– Понимаешь меня? – спросил Главварь.

Язык оставался незнаком, но я понимал смысл слов! Синхронно с произношением слов в моем сознании вспыхивало их значение.

– Понимаю, – ответил я по-русски.

– Слушай меня. Слушай это. – Он указал на мой висок, от приказного тона шерсть на моем загривке немедленно встопорщилась, но я смирил зверя и притворился, что послушен.

– Слушать – хорошо, – продолжил вводную Главварь. – Не слушать – плохо. Плохо нам. Плохо тебе тоже. Может, боль-кровь. Может, совсем умереть. Говорю я: «Иди!» – ты идешь. Говорю «Стой!» – ты стоишь.

– Понял, не тупой, – огрызнулся я. И получил по физиономии, не больно, но униЗИтельно.

– Говорю «Заткнись!» – ты затыкаешься. Понял? – Главварь снова занес руку.

В воздухе полыхнули алые линии.

Они мгновенно высветили уязвимые места доспехов. Стыки пластин на боках, плечи, руки, пах, ступни. Подчеркнули оружие в руке, особыми маркерами поместили продолговатые «фонарики» на поясе, копье. Над подсвеченным багровым силуэтом Главваря пронеслась цепочка странных символов.

Странных-то странных, а все же понятных...

ВНЕШНЕГО ОРУЖИЯ В ДОСТУПЕ НЕТ. ВЕРОЯТНОСТЬ БЛАГОПРИЯТНОГО ИСХОДА ПРЯМОГО СТОЛКНОВЕНИЯ МИНИМАЛЬНА, – сообщил мне червяк. Имплант. Эта штука, влезшая в мои извилины. *ГОТОВНОСТЬ К ФОРСАЖУ – ТРЕБУЕТСЯ РАЗРЕШЕНИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ*.

От великого удивления у меня выключилась ярость и отвисла челюсть. *ФОРСАЖ – ОТМЕНИТЬ*, – сообщил имплант.

– Ладно... – сказал я червяку растерянно. Похоже, Главварь подумал, что я говорю с ним.

– Хорошо, – презрительно покривил губы при виде такой трусости к боли, опустил руку. Я ненатурально вздрогнул, скорее даже содрогнулся всем телом. Хотел было взвизгнуть, но подумал, что это будет чересчур.

– А если говорю: «Ложись»... – Главварь помолчал. И ударил.

В нашем Клубе любого неопита прежде всего учили правильно падать. И я, по сомнительному комплименту Деда, лучше всех усвоил эту хитрую науку. И сейчас я умудрился упасть мягко и сделать вид, что грохнулся жестко.

– ...Ты ложишься быстро, – сообщил Главварь сверху. Я застонал, завозился на земле. Главный драконид легонько попинал меня в бок, я испуганно замер.

– Вставай, – велел он. Я торопливо вскочил.

– А если я говорю «Внимание!», ты делаешь максимальное внимание к тому, что происходит вокруг. – И Главварь сделал выразительный жест.

Я кивнул.

– Слушайся меня. Будешь слушаться – будет хорошо. Не будешь слушаться – будет плохо. – Главварь продемонстрировал бластер. – Теперь...

Он прошел туда, где кто-то из драконидов уже успел раздеть пилотов. Подобрал шлем, принялся осматривать изнутри, что-то пробормотал и отбросил. Взял другой и перекинул мне.

Я автоматически поймал и посмотрел вопросительно. Главварь сделал выразительный жест. Пока я надеялся, что неправильно его понял, драконид принял у другого что-то похожее на часто показываемые в американских фильмах стальные опознавательные пластинки, прочитал и сунул в патронташ на поясе.

Посмотрел на меня и нахмурился.

– Надевай!..

Я замотал головой. Главварь выразительно взялся за пояс. Дракониды привычно окружили меня.

Я медленно разделся. По знаку Главаря один из драконидов покидал мои шмотки в свой ситор, я сумел отспорить шапку. Босс презрительно махнул рукой, мол, чем бы дитя ни тешилось, головной убор неопасен. Ну да, у Деда ты не учился...

Гордо напялив отвоеванный предмет одежды, я взялся за броню, которую сложили мне под ноги, словно какое-то подношение. Ну-ка...

Внутри латы изобиловали тонкими трубками, какими-то нитками, тканями. Доспех надевался через голову, напоминая бронезилет, разве что длиннее да с рукавами, мне доводилось примерять БЖ, так что с облачением проблем не возникло. Едва доспех оказался на мне, он фыркнул и чуть сжался, подгоняясь по фигуре, охватил плечи тесным объятием. Я подскочил от неожиданности, дракониды сдержанно веселились.

Броня для рук представляла собой перчатки с раструбами до локтя. Я надел их, Главарь потянул раструбы-гармошки, помог прикрепить раструбы к рукавам бронезилета. Снова уже знакомое тесное пожатие.

Сапоги, похожие на гигантские рыбацкие, с длинными голенищами, разрезанными от бедра до колена, не различались на правый и левый. Я влез в них так, как они стояли, и сапоги сами подогнались под стопу. Я сам пристегнул голенища к низу бронезилета, и разрезы мгновенно закрылись, заключив меня в кокон.

Теперь самое главное... и противное.

Шлем внутри пропах чем-то неопределенно сырым. Дивясь, что меня даже не мутит, я осторожно заглянул в него. Все те же трубки, напротив носа и рта какие-то решетки, то ли фильтры, то ли радио, глазная щель широкая, от виска до виска.

Доктор остановил меня, и я было обрадовался. Но он всего-навсего велел снять шапку, которую я хотел оставить под шлемом, и заклеил «прогрыз» в моем виске пластырем. Главварь поторопил резким жестом, и я решительно надел шлем.

Он сам сел на плечи ровно, прикрепился.

Через визир шлема мир виделся несколько иначе. Каким-то более четким, словно подсвеченным неведомым фонариком, и менее цветным.

ДОСТУПЕН ЛЕГКИЙ ТАКТИЧЕСКИЙ БИОКОМБИНЕЗОН, – сообщил червяк.

– Доспех... – Главварь постучал по моей кирасе. – Лес опасен. Взял тебе с разбитого истребителя доспех легкий. Не такой, как наши. – Ткнул пальцем себе в грудь. – Читай сообщения на плоской пластине, прикрывающей лицо. – Щелкнул пальцем в забрало. – Слушайся их. Другого не делай. Не думай к доспеху.

– Не понял, – честно сказал я. Главварь покосился на телепата, который ошивался рядом. Тот жестом велел мне поднять забрало, с некоторой опаской заглянул в глаза, скривил губы, явно подражая Главварю:

– Не врет, – сказал.

– Хорошо, что не понял. Значит, не будешь делать, – сказал Главварь. Я на всякий случай кивнул.

– Внимание. – То ли на забрале шлема, то ли прямо в голове появился знак. – Остановиться. Смотреть. Слушать.

– Понятно, – сказал я.

– Падай, – другой знак появился, и я торопливо рухнул на землю.

Вставай. Беги. Замри смотри и слушай. Падай. Ползи.

Наконец Главварю надоело это «упал-отжался». Я встал, тяжело дыша и держась за бока. Никогда не помешает создать впечатление, что ты слабее, чем есть на самом деле.

– Вы окончили минирование? – спросил драконид подчиненных, которые возились вокруг самолета, повсюду распикивая небольшие продолговатые предметы.

– Так точно, – отозвались те. Я вертел головой.

– Ты нас не понимаешь, когда мы говорим между собой, – сказал заметивший это Главварь. – Ты понимаешь только слова, прямо обращенные к тебе. Это нормально.

Он отвернулся, потеряв ко мне интерес, и хорошо, иначе мое лицо неизбежно бы меня выдало. Я ведь понимал все, а не только «слова, прямо обращенные»!..

Мое преимущество. Нужно скрыть.

Главварь уведомил одного из подчиненных, что теперь я под его ответственностью. Тот не выказал восторга, молча кивнул. Подошел ко мне, бросил хмурый взгляд. Меня тоже не тянуло пообщаться.

Дракониды выстроились перед самолетом, мой «опекун» велел мне встать поодаль. Люди постояли немного – видимо, обычай минуты молчания одинаков в этом и нашем мирах. Потом Главварь перекрестился – остальные повторили его жест. Босс перекрестил самолет и закрыл забрало шлема. Остальные поступили так же, и я поторопился захлопнуть свой, давая тошноту. Главварь вздел пустую руку жестом благословения.

Полыхнуло ярое пламя, я даже отвернулся, хотя визир шлема услужливо потемнел, оберегая мои глаза. Главварь дал знак, и мы пошли прочь от места аварии.

На ходу я оглянулся. Огонь уже спадал, казалось, что лес защищала от пламени невидимая стена, пространство вокруг самолета выгорело полностью, но дальше огонь не пошел. В четкости границы пепла и зелени было что-то зловещее. Магия? Возможно... Я разглядел нос самолета, багровый, оплавленный. Он на глазах терял форму, металл горел, если это, конечно, был металл.

Заглядевшись на сожжение самолета, я споткнулся и заработал от своего конвоира тычок. Отвернулся и стал смотреть вперед.

Кажется, я нарушил приказ Главваря. Если я правильно понял, что он имел в виду под выражением «думать к доспеху».

Я «думал к доспеху». Сначала осторожно изучал свой костюм и проникался все большим уважением к создавшим такую технологию.

Костюм был живым, как и копьё. В нем имелись мышцы, усилители хилых моих, аптечка с коллекцией лекарств и стимуляторов, а также какое-то интеллектуальное устройство, с которым сообщался червяк, залезший мне в мозги. Так что общение с этим компьютером осуществлялось мысленно и требовало значительного самоконтроля.

Иногда мне казалось, что я становлюсь больше себя самого, и мир становился то тесным, то гигантским. Это червяк все еще примерялся к моим мозгам.

Временами костюм помогал мне карабкаться через поваленные деревья и поддерживать заданный резвый темп. Червяк сканировал местность и заботливо подсвечивал на визире опасные места, показывал местоположение членов команды. На броне были сенсоры, я мог видеть и слышать ими.

А потом... мне возжелалось знать, где я нахожусь.

Я едва не упал, когда передо мной возник бело-зелено-голубой шарик. Конечно, перепугался, шарик исчез, едва я понял, что это такое.

Глобус.

Ничем не похожий на Землю.

Отдышавшись, я снова сделал робкий запрос.

Имплант опять продемонстрировал модель этой планеты.

Три больших материка, разделенные морями и океанами, в синеве камешки и песок островов. Зеленые леса, голубые нитки рек, серые горы, желтые пустыни. Леса занимают не менее половины двух континентов, на третьем среди океана зелени лишь горный хребет и несколько островков равнин...

Алая точка вспыхнула на этом континенте, на самой границе с самой большой равниной, изображение укрупнилось, протянулись полоски рек и речушек...

Я никак не мог сообразить, где находится то, что я вижу. Казалось, шар глобуса висит прямо передо мной, но не мешал смотреть наружу, и едва я переводил внимание на дорогу, начинало казаться, что глобус где-то на периферии зрения...

Делить внимание между дорогой и информацией, выводимой прямым в мозги, было проблематично. После того как я в четвертый раз споткнулся – еще и потому, что костюм пытался помочь мне переставлять ноги, – Главарь не пожалел остановить отряд, чтобы дать мне по шее. Пришлось смирить жажду знаний.

Пошли дальше. Солнце спряталось за деревьями, тени легли прозрачными вуалями, воздух, идущий через фильтры костюма, приобрел другой вкус. Мне казалось, что давным-давно наступила ночь, наконец я догадался попросить костюм отключить систему ночного видения и чуть не загремел доспехами, споткнувшись – сгустился вечер, а команда шла, как по ровному. Только сейчас я понял, как на самом деле тормозил команду. В таких костюмчиках можно было идти и идти...

Но, несмотря на помощь комбеза, я дико устал. Попытался подготовить себя к мысли, что Главарь так и прикажет переть от заката до рассвета, а потом снова до заката, без остановки, идти, идти, идти – и тут объявили привал. Даже в суперкостюмах люди устают и нуждаются в отдыхе, еде и сне.

Мы сняли шлемы, поели-попили, потом я надел свой. Где-то под шеей возник выступ, надулся, я запаниковал было, но червяк успокоил. Оказалось, у костюма есть что-то вроде капюшона, он держит на воде при плавании надводном и служит хранилищем воздуха при подводном, а также играет роль подушки.

Надо же.

Я переждал хохот драконидов надо мной, тупым дикарем, и ровно задышал, притворяясь, что уснул.

Главное, не уснуть на самом деле. Несмотря на усталость, возбуждение встряхивало.

Червяк? – окликнул. То есть как тебя там, имплант?

Он отозвался. Подключившись к сенсорам костюма, сообщил, что остальные, кроме часовых, дремлют, и я рискнул. Сделал запрос, снова вызвал перед собой глобус, повертел его перед собой, пытаясь высмотреть сходство с Землей.

Никакого – разве что шарообразная форма. Если это и будущее, то офигенно далекое.

Алая точка отмечала наше местоположение на самой границе леса, вспыхнули символы и цифры.

Я заморгал. Символы были те самые, понятийные, когда один знак означает одно слово, но цифры – земные, арабские.

Это что, координаты? Система спутникового позиционирования?

ПОДТВЕРЖДАЮ, червяк в ответ на мысль о спутниках показал глобус, опутанный линиями, по которым неторопливо ползли белые шарики.

Спутники!..

Я взглядом выбрал один, он укрупнился. Я узнал пики и тарелки антенн, что-то похожее на двигатели. Развернулись зеленые строчки:

ВАЛАР-22 ПРИВЕТСТВУЕТ ВЕЧНОГО. ЗАПРОС.

Валар, Валар, ей-богу, что-то знакомое!.. И опять – Вечный, червяк так уже называл меня. Что значит это слово?

ОБОЗНАЧЕНИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ, ОБЛАДАЮЩЕГО ВЫСШИМ ПРИОРИТЕТОМ.

Но я же не... – и я прикусил свой виртуальный язык. Если червяк и спутники считают, что я обладаю высшим приоритетом, я спорить не буду.

Что ты такое, спросил я червяка.

БИОКОМПЬЮТЕР.

Классно. Как это я раньше не догадался.

ДАННЫЙ ИМПЛАНТ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СЛОЖНЫЙ БИОКОМПЛЕКС, ИМПЛАНТИРОВАННЫЙ В МОЗГ ЧЕЛОВЕКА, – дал биокомп более развернутый и «понятный» ответ. ИМПЛАНТ ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ МЕНТАЛЬНОГО ПОДКЛЮЧЕНИЯ К СИСТЕМАМ СВЯЗИ АРМЕЙСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ; К ПРОЧИМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ УСТРОЙСТВАМ, КОНТРОЛИРУЮЩИМ АРМЕЙСКУЮ И ГРАЖДАНСКУЮ ТЕХНИКУ; К ПРОГРАММНЫМ МОЩНОСТЯМ ДРУГИХ КОМПЬЮТЕРОВ, АРМЕЙСКИХ И ГРАЖДАНСКИХ, ДЛЯ ОБРАБОТКИ ЗАДАЧ РАЗЛИЧНОЙ СЛОЖНОСТИ. ТАКЖЕ ДАННЫЙ ИМПЛАНТ СПОСОБЕН СЛЕДИТЬ ЗА СОСТОЯНИЕМ ТЕЛА НОСИТЕЛЯ, РЕГУЛИРОВАТЬ...

Кажется, червяк еще долго бы хвастался, но я велел ему заткнуться. Голова гудела. Я понял хорошо если половину. Массаракш, может быть, хватит? Что ж все так сложно-то?..

Слушай, а у этих ребят тоже в мозгах червяки?

ОТВЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ.

Гм, а почему?

ОТВЕТ НЕИЗВЕСТЕН.

Так, слушай, червяк... То есть имплант, даю запрос. Возможно ли носителю избавиться от данного импланта, чтоб его!..

ОТВЕТ, ВЕРОЯТНО, ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ.

Вероятно?

ДЛЯ КОНКРЕТНОГО ОТВЕТА НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ. НЕТ ПОДКЛЮЧЕНИЯ К ЦИС.

Круто. Что такое ЦИС?

ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ.

Здесь Интернет? Да, жаль, что подключения нет. Хотя кто знает, какие здесь могут быть меры безопасности от несанкционированного доступа, ну их совсем – еще какая-нибудь охранная система визг подымет при попытке прорваться...

Эй... червяк? Почему я понимаю здешний язык?

ЗАДЕЙСТВОВАН ТЕЛЕПАТИЧЕСКИЙ АВТОПЕРЕВОДЧИК.

Ах, так ты еще и телепат?

ОТВЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ. ФЕНОМЕН ТЕЛЕПАТИИ НЕВОЗМОЖНО ПОВТОРИТЬ ИСКУССТВЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ. ДАННЫЙ ИМПЛАНТ ИСПОЛЬЗУЕТ ТЕЛЕПАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР МОЗГА НОСИТЕЛЯ.

Чего? Нет у меня в мозгу никакого телепатического центра!..

УТВЕРЖДЕНИЕ НЕВЕРНО. ТЕЛЕПАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ИМЕЕТСЯ В ЛЮБОМ ЗДОРОВОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ МОЗГЕ.

Круто. Я ожесточенно почесал место расположения телепатического центра.

Ты можешь научить меня языку?

ДАННЫЙ ИМПЛАНТ НЕ РАСПОЛАГАЕТ НЕОБХОДИМЫМИ ПРОГРАММАМИ ОБУЧЕНИЯ.

А магии?

ДАННЫЙ ИМПЛАНТ НЕ РАСПОЛАГАЕТ НЕОБХОДИМЫМИ ИСТОЧНИКАМИ ИНФОРМАЦИИ. НЕТ ПОДКЛЮЧЕНИЯ К ЦИС.

Облом. Впрочем, какая разница, если червяка нельзя – пока нельзя!.. – вынуть из моего черепа, пускай себе переводит. А магии я и сам научусь.

И чем мне заняться сейчас?

СПАТЬ.

Чего?..

ЖИЗНЕННЫЕ РИТМЫ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ НАХОДЯТСЯ НА СПАДЕ. ДАННЫЙ ИМПЛАНТ РЕКОМЕНДУЕТ ПОЛЬЗОВАТЕЛЮ НОЧНОЙ СОН. ЕСЛИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ЖЕЛАЕТ, ИМПЛАНТ МОЖЕТ ЕГО УСЫПИТЬ.

Я живо вообразил, как червяк, затаившийся в извилинах, впрыскивает снотворное прямо в мозг.

Еще чего!.. а вдруг что-нибудь случится, а я дрыхну?

ДАННЫЙ ИМПЛАНТ С ПОМОЩЬЮ ОРГАНОВ ЧУВСТВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ И СИСТЕМ ТАКТИЧЕСКОГО КОМБИНЕЗОНА СПОСОБЕН ОТСЛЕЖИВАТЬ ОБСТАНОВКУ И РАЗБУДИТЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ В СЛУЧАЕ ОПАСНОСТИ.

Э-э-э... ладно. Только потом. Сейчас ты мне лучше вот что расскажи – отчего навернулся самолет предыдущего хозяина этого доспеха?

Появилась схема. Биокomp предложил проиграть запись последних минут жизни парня, сделанную компьютером доспехов.

ВКЛЮЧИТЬ АДАПТИРОВАННУЮ ЗАПИСЬ – ВКЛЮЧИТЬ ПОЛНУЮ ЗАПИСЬ? – поинтересовался. На фига мне адаптированная? Это где нет крови, или она серая, как в некоторых игрушках? Нет, показывай все...

Передо мной возникла картинка. А потом я провалился в нее.

Я сижу в самолете, который летит с невообразимой скоростью. Кажется, что весь нос у него прозрачен, и у меня отличный обзор. Мгновенно мелькают внизу вершины деревьев, прогалины, тень от самолета скользит по зелени леса то впереди, то сбоку. Тихо шипят воздушные системы, гудит двигатель. Затхлый воздух системы бортового жизнеобеспечения щекочет ноздри. Руки плотно стиснуты перчатками, пальцы лежат на каких-то кнопках, ступни и щиколотки ног плотно обжаты чем-то вроде громоздких сапог. Как в тисках. Я вдруг понимаю, что легкими, едва заметными движениями рук и ног управляю самолетом. Ничего похожего на штурвал передо мной нет. В грудь упирается что-то вроде подушки. Голова тоже плотно прижата.

– Вижу дикаря, – вдруг произносят мои губы.

– Ну так убей, – предлагает кто-то.

– Угу... – На самом деле дикаря видит не человек, в чьем теле я оказался, а системы наблюдения самолета. Ага, а вот и он сам – рамочка прицела нарисовалась вокруг вышедшего на поляну... меня!..

Выстрел – и в последнее мгновение вмешивается второй пилот. Огненная черта приходится рядом с дикарем, который разворачивается и бросается обратно под сень деревьев.

– Какого?! – возмущенно кричу я.

– А такого, салага, – отвечает второй – то есть, если уж на то пошло, первый, главный. Он перехватил управление и нарочно отвернул прицел в сторону и теперь смеется над поспешным бегством дикаря.

– Подожди, я хочу попасть в него «малюткой», – говорит первый пилот, разворачивая машину. Тот, в чьем теле я оказался, явно зол. Его управление заблокировано. – Смотри и восхищайся!..

Это не пулеметы или плазмометы, не то, чем обстреливал меня мальчишка, – а что-то вроде небольшой бомбы. Вижу, как компьютер самолета обсчитывает сброс.

Внезапно компьютер дает сбой.

– Это еще что такое? – удивляется первый пилот. Небольшая, с ручную гранату размером, бомба падает мимо.

– Возвращаемся!.. – кричит второй, я.

– Чего?! – Первый рычит, что все-таки сначала достанет меня, он где-то за спиной и выше.

– Того!.. Забыл, что нам было сказано о подобных случаях?!

– Ох ты... святые инквизиторы!.. – вопит первый и начинает разворачиваться.

Тут впереди возникает какой-то туманный рой.

Вопль ужаса – и мой, и первого пилота. Самолет вздрагивает в воздухе, проносясь сквозь рой, тут же компьютер выдает россыпь: двигатель – тайм-аут, система управления – тайм-аут, оружие – тайм-аут, система катапультации – тайм-аут... и последним отрубается сам.

Мир поворачивается и обрушивается мне на голову. На самом деле это самолет начинает падать, кренясь. Я чувствую, что как замирает нутро от ощущения свободного падения, как заливает тело плотной пеной. Самолет врежется в зелень, рубя плоскостями ветви деревьев, страшный удар по земле, и...

И я мертв.

– Ах-ха-а-а-а!.. – рыдающий вопль-вскрик вырвался из моей груди. Я сорвал шлем и отбросил в сторону, продолжая орать, пока пинок в живот, пронявший даже через доспех, не заставил заткнуться.

– Замолчи, сын еретика и суккуба!.. – взревел Главари. – Чертов выкидыш, захлопни поганую пасть, или я залью ее плазмой!..

Меня колотило, смерть ко всем нам придет, но переживать чужую – слуга покорный!.. Вот что такое «полная запись»! Как у меня еще штаны не полны от такой записи!

Меня вздернули на ноги, дракониды были очень злы таким пробуждением и не сдерживались в изложении мне своего неодобрения.

– Чего орешь, болезный? – спросил доктор, подходя с инъектором. Я забился.

– Сон... сон... страшный... о червяке в голове, – пролепетал.

Упомянутый червяк снова высыпал передо мной линии ударов, уязвимые места, подсветку чужого оружия.

– Нет. Нет!.. – зарычал я, отменяя. В таком состоянии нечего и думать одолеть семерых злющих драконидов, оружных и доспешных.

Один из держащих меня схватил за волосы, вывернув голову. Доктор прижал игольник к шее. Мне показалось, что мне вкололи холодный свет.

СЕДАТИВНЫЙ ПРЕПАРАТ. ПОЛНОСТЬЮ УСТРАНИТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕВОЗМОЖНО. МИНИМИЗИРОВАТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ? – предложил червяк.

– Угу, – сказал я, оседая на руки драконидов. Стало темно.

Я проснулся от жажды. И от противоположного чувства.

Приподнялся на локте и увидел, что двое стражей стоят там, где им и положено стоять, неподвижные и похожие в своих биокомбинезонах и при бластерах на какие-то причудливые игрушки из тех пластиковых уродцев, что продают в почтовых киосках.

Ну и ночка выдалась... что ж сушняк-то такой?

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЕМА СЕДАТИВНОГО ПРЕПАРАТА И УСТРАНЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ. НЕОБХОДИМА ВОДА. НЕОБХОДИМО ВЫВЕСТИ ПРОДУКТЫ ПЕРЕРАБОТКИ, – сказал червяк. Я аж вздрогнул.

– Чего? – сказал вслух. Один из стражей обратил ко мне маску, толкнул другого. Тот забурчал, но подошел. Я жестами объяснил, что мне требуется, и под присмотром сходил в кусты. Какое-то время сражался с хитроумными системами комбеза, позволяющими сходить в туалет, не вылезая из него. Но все-таки «разобрался», не без помощи импланта, хотя искушение заставить провожатого все подробно объяснить и показать было велико.

Через несколько минут я вернулся на свою лежанку и лег, соображая. Надо. Но как же страшно!..

Я решился и сделал запрос. Последние... э-э-э, пусть будет десять секунд записи. Не в полном формате, адаптированные!..

Бикомп проиграл мне их. В адаптированной записи все показалось не таким ужасным. Не было тактильных ощущений и эмоций пилота, поле зрения сузилось по краям, а звуки перестали быть столь натуральными. Я просмотрел. Увеличил время отрезка до пятнадцати секунд. Снова просмотрел и велел поставить на паузу.

Непонятное облачко, то самое, которое и послужило причиной аварии, парило перед носом самолета. Запрос, запись перескакивает на полсекунды вперед. Ага.

Я почесал в затылке – вернее, поскреб перчатками шлем. Перед моим внутренним взором была страхолюдная харя, которую я наколдовал в первый день в этом мире и отправил лететь в неопределенную сторону.

Очевидно, харя полетела куда надо. И сбила самолет, угрожавший мне!..

Гы!..

Я понял, что сейчас захохочу, и торопливо зажал себе рот. Ну и дела!..

Было рано. Стражи стояли. Остальные спали. Потихоньку занимался рассвет. Я глядел в небо, где плыли «Очи» и «Валары», и лениво размышлял о том о сем. Вспомнился вдруг рисунок на обложке тетрадки: силуэт головы человека в профиль, стилизованное изображение мозга внутри и надпись «Они устали». Эй, червяк, а ты что скажешь по этому поводу?

ПРИСУТСТВУЕТ ЛИХОРАДОЧНОЕ НЕРВНОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ, ВЫЗВАННОЕ ИНФОРМАЦИОННЫМ ШОКОМ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ ПРИНЯТЬ УСПОКОИТЕЛЬНОЕ И ОБРАТИТЬСЯ К СПЕЦИАЛИСТУ.

Иными словами, а не пора ли вам лечиться, батенька? Вот и биокомпы меня уже считают сумасшедшим!.. Нет, спасибо, обойдемся без успокоительного. Старые добрые способы – медитация и дыхательные упражнения – тоже действуют неплохо.

Я поуспокоился и постепенно задремал.

Разбудил меня вопль какой-то птицы. Я мысленно обругал ее и хотел перевернуться на другой бок, но тут заметил, что ко мне направляется мой конвоир в явном намерении разбудить пинком под ребра. Я поспешил показать, что не сплю. Конвоир выразительными жестами послал меня в кусты. «Последствия» и «последствия устранения последствий» все еще давали о себе знать.

Лагерь посыпался. Точа плитку ДСП и запивая водой из фляги, я разглядывал драконидов. Не-а, никак. Их семеро. Я один.

Значит, мое единственное преимущество – в знаниях и в способности скрыть свои возможности.

А какие у меня возможности?

Раз – магия.

Вот только начни я сейчас упражняться в магии, меня не поймут. Вдохновение и способности – хорошо, говорил Дед, но они не заменят практики. Так что не стоит надеяться, что я в нужный момент как сотворю ужасное колдунство, сокрушив всех противников... Рассчитывать на «авось» не годится. Мои искорки – никакое не оружие, разве что как средство отвлечения годится. Та темная рожа... Результат был крутой, вот только я совсем такого не ожидал. Как бы она, рожа, меня самого не счавкала. К тому же создается она гораздо медленнее светляков и требует много сил. Хотя, предположительно, довольно опасна – сдвигаем приоритеты в сторону изучения Темной магии. А потом печально констатируем, что ни одна из этих сторон в побеге, скорее всего, мне ничем не поможет.

Практики, практики мало!.. И тайком практиковаться я не могу – заметят. Однажды попытался создать светляка, доктор подскочил и принялся вертеть головой, что-то залопотал, и Босс погнал команду, тревожно оглядываясь. Нет, магия отпадает.

Два – технология, переросшая земную, биокомпьютеры, спутники... и все это почему-то считает меня каким-то Вечным. Не то чтобы я был против... но кто они такие?

ИНФОРМАЦИИ НЕТ. ДАННЫЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ЯВЛЯЕТСЯ ВЕЧНЫМ.

Да, прикольный титул, но мне интересно, чем мне это грозит!.. Про привилегии тоже неплохо бы узнать.

ВЕЧНЫЕ ОБЛАДАЮТ ВЫСШИМ ПРИОРИТЕТОМ В УПРАВЛЕНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ, ГРАЖДАНСКИМИ И АРМЕЙСКИМИ.

То есть я обладаю чем-то вроде сисадминского доступа ко всем местным биокомпам. И всевозможным устройствам – вспомнить, как тот самоплавящийся меч сразу признал мою руку, а Уроду приходилось капать на него своей кровью, и после молитвы...

– Я перекрестился, что отменило действие заклинания, – пробормотал я фразу из какой-то книги. Сброс настроек, вот что это было. Католическая молитва обнуляла память меча... А вот Вечному можно взяться и за чужое оружие – оно мгновенно «предает» предыдущего хозяина. Но с помощью каких, гм, параметров биокомп узнает, что я – он, в смысле, Вечный? Эй, червяк?..

Биокомп молчал так долго, что я не на шутку встревожился – вдруг обиделся или завис, получив непосильную задачу?..

БИОКОМП ОПРЕДЕЛЯЕТ ВЕЧНОГО ПО ШАБЛОНУ, ЗАЛОЖЕННОМУ В ПЕРВОНАЧАЛЬНУЮ ПРОШИВКУ БИОКОМПА. ДЛЯ КОНКРЕТНОГО ОТВЕТА НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ. НЕТ ПОДКЛЮЧЕНИЯ К ЦИС.

Главарь дал сигнал к отправке. Я поднялся, позевал, изображая, что не выспался, потянулся и пошел.

Что-то не так...

Я автоматически шагал, углубившись в размышления, когда мир вдруг напомнил о себе. Но чем именно он привлек мое внимание, я так и не понял. Просто кольнуло ощущение смутной угрозы. Словно ледяной ветерок посреди летнего дня. Словно грозовая туча закрыла солнце.

Что-то не так.

Птицы, вдруг сообразил я. Мы уже встречали птиц. Разумеется, совершенно незнакомых мне. Я, конечно, не орнитофер, или как там именуется ученый-птицевед, но воробья от голубя или от страуса отличить смогу. Здешние птицы были крылатые... И этим, пожалуй, сходство их с земными исчерпывалось. Маленькие, но в основном яркие, с длинными перьями, с горящими хохолками.

И звери!.. Мелкие, напоминающие то ли белок-летяг, то ли летучих мышей. Часто-часто взмахивая перепончатыми крыльями, летуны ловко перепархивали с дерева на дерево – именно перелетали, с ловкостью лавируя между веток. Зайцы скакали прочь или ковыляли неспешно, с достоинством. Разумеется, тоже неземные – не настолько, как мутант-восьминог барона Мюнхгаузена, но заметно отличные от грызунов с маркой «made in Earth». Разница, по-моему, была еще более своеобразна... Заяц с клыками привел меня в оторопь, это выглядело даже жутковато... хотя потом, наблюдая за ними, понял – как и земному клыкастому оленю кабарге, выдающиеся зубы нужны грызунам для снятия коры с деревьев, а не для охоты на волков. Часто из-под наших ног с негодующим писком удирали похожие на крупных крыс зверюшки. Может быть, это и были крысы. Наверное, они во всех мирах одинаковы...

А сейчас их не было.

Не видно порхающих птиц, не слышно их пения, не порскают вспугнутые зверьки... даже бабочки не летают!..

Если живности нет – это недобрый признак, подумал я, разыскивая взглядом хоть какого-нибудь представителя животного вида и тут увидел *это*.

Глава 4

Танец смерти

Шагах в тридцати справа между серыми колоннами деревьев дрожал воздух, словно над раскаленным асфальтом. Какие-то подземные испарения? Или горят торфяники? Я даже потянул носом, но прохладный, фильтрованный шлемом воздух был полон сосновыми – или не сосновыми – ароматами, а не сладковатым газом и не горьким дымом.

– Это еще что такое? – пробормотал я. Зрелище было интересное и непонятное. Словно какое-то чудовище взмахом когтистой лапы распластало саму плоть реальности, и разрезы сочлились невидимой кровью мира. – И треснул мир напополам, дымит разлом...

Эти слова я почти пропел, и Главварь остановился, обернулся ко мне:

– Что ты сказал?

Я молча показал рукой.

Дракониды дружно посмотрели в указанную сторону. Очень внимательно. Они что, не видят? След когтей чудовища на воздухе тем временем приблизился к нам. Я указал снова, на этот раз *пожелав*, чтобы они увидели, и в следующий момент грянул беззвучный дружный вопль ужаса, и мы галопом понеслись в противоположную феномену сторону.

Отряд, боевая единица, в бегстве не превратился в толпу. Мы драпали... организованно, иначе и не скажешь. Конвоир ориентировал мой бег тычками и пинками.

Лес не любит спешки и не терпит почти панической торопливости. Нам подставляли подножки стволы упавших деревьев, которых стало вдруг ужасно много, мы увязали во мхах и с трудом продирались через колючие кустарники.

Пробежали мы, наверное, километра два, прежде чем Главварь приказал отставить бегство. Мы остановились, оглянулись – никто не преследовал.

А потом Главварь подошел ко мне и жестом велел поднять маску.

– Ты увидел? – спросил.

Я кивнул. Главварь ударил меня по лицу. Ладонью – лучше бы кулаком.

– Ты сделал?

Сморгнув слезы, я помотал головой. И только сейчас подметил очень-очень нехорошие взгляды остальных. Главварь подозвал доктора, и тот осторожно посмотрел мне в глаза.

– Не врет, – торопливо сказал. Я приготовился к телепатическому противостоянию, но его разум лишь коснулся мимоходом моего. Ага, боишься!..

Боялся не только доктор. Одно из драконидов прямо-таки трясло, он заорал, брызгая слюной, что-то вроде «еретик», «демоны» и «мы все умрем», Главварь какое-то время смотрел в белые от страха и ярости глаза, потом сделал короткое движение, и мне показалось, паникер подавился своими зубами. Люди заворчали, глядя на распластанного на земле мужика. Главварь поднял бластер, угрожая сразу всем. Толпа, ворча, шарахнулась.

– Хотите загреметь в застенки инквизиции? – спросил Главварь тихо и зловеще. Люди разошлись, продолжая бросать злые взгляды.

– Зря ты подселил ему демона, – сказал доктор вполголоса. – Теперь люди боятся его.

– Если уж на то пошло – подселил ты, – огрызнулся Главварь.

– Но по твоему приказу. Думаешь, сможешь выставить это моей инициативой?

Главварь буркнул что-то нелюбезное.

– Кстати, ты правильно настроил эту... этот... зародыш демона? – поинтересовался он, как будто ища, к чему бы прицепиться. – Вот кажется мне, что парень и сейчас нас понимает, хотя не должен был.

Он покосился на меня. Надеюсь, морда лица у меня уже достаточно опухла, чтобы нельзя было прочитать ее выражение. А злость и страх – вполне нормальные реакции.

– Правильно. Лишь понимание языка при прямо обращенных к нему вопросах, телепатическое подавление...

– А у тебя он что-то не очень подавляется!..

– Это случайность. Парень сам по себе малоуязвим. Дикарь, у них отсутствует воображение.

– Что-то не похож он на дикаря, – буркнул Главварь. – А что насчет оружия? Как он смог взять биомеч?

– Не знаю! Мы многое не понимаем в Наследии, господне чудо, что вообще можем что-то использовать. Может быть, клинок не причинил ему вреда потому, что тот дурак, желая позабавиться, отдал его сам и случайно перенастроил что-то там... Не знаю.

Доктор о чем-то задумался.

– Может быть, его... того? – предложил потом.

– Не будем спешить. Если люди взволнуются – пристрелить успеется. Или сломаем ногу и бросим, и Выдох Дэва отвлечется, пожирая его.

Они снова посмотрели на меня – холодные, равнодушные взгляды.

– А что у вас известно о Выдохах Дэва? – поинтересовался Главварь.

– У нас... – Доктор усмехнулся. – Да то же, что и всегда. Это флюктуации темных зон. В этом лесу их достаточно, сами знаете. Впрочем...

Тут он задумался, что-то бормоча себе под нос и загибая пальцы. Потом опустил забрало и вошел на спутник. Я осторожно «подглядел» за ним, пользуясь своим приоритетом. Из-за отсутствия биокомпьютера – или все-таки демона? – не мог общаться со спутником напрямую и отдавал приказы голосом по радиосвязи своего комбеза.

– Мы далеко от всех темных зон, – сообщил наконец, дав команду выйти. – Так что этот Выдох, очень может быть, преследует кого-то из аборигенов. Мы должны его схватить.

– С чего бы это? – фыркнул Главварь.

– За тем же, – парализуем и бросим. Лучше две жертвы, чем одна. К тому же некоторые из лесян знают наш язык. И вообще... ребята жаждут крови. Пусть получают ее. А если женщина попадет – вообще замечательно.

– Я думал, святые братья относятся к такому резко отрицательно, – усмехнулся Главварь.

– Святые братья понимают, что нельзя требовать благочестия от всех сразу, – ответил доктор, и меня чуть не передернуло от его ответной улыбочки. – Нам не помешает отвлечься. Так что, ловим?

Теперь на спутник вошел Главварь. Когда вышел, я запросил у спутника данные о действиях предыдущего пользователя.

Сперва главный драконид тщательно высчитывал, где находится то, от чего мы столь рьяно убегали. Задача была непроста, со спутника феномен не просматривался.

Вычислив место, Главварь поставил на карте черную метку и стал чертить обходной путь. Мы давали крюк в несколько километров, который заканчивался у сигнала в таком-то квадрате. Крупная жизненная форма, возможно, человек, сообщил мне компьютер спутника.

Главварь развел команду пошире, указывая жестами и командами, отданными через систему связи комбеза. Дракониды шли, охватывая предполагаемое убежище аборигена. Видимо, доктор был прав – этот Выдох Дэва преследовал какого-то местного неудачника.

Остановились – прикидка со спутника – метрах в двухстах от метки. Главварь махнул на меня рукой, двое драконидов заворчали – как же, в веселье не поучаствуют!.. – и «вежливо и предупредительно» взяли меня за плечи и ввели в кусты. Они остались сторожить

меня и сваленные в кучу сидора, остальные двинулись вперед и через полминуты были уже неразличимы в листве.

Но не для спутника. Компьютеры брони драконида оставались на связи. Обнаглев, я полез на спутник и запросил данные с сенсоров комбеза... нет, все же не Главаря, а другого драконида.

Больше всего это похоже на какую-то новейшую компьютерную игрушку. Сверхвысокое разрешение, объемный звук и все такое. Вид «из глаз»... впрочем, не совсем, скорее из «третьего глаза» – видеокамера-то как раз на лбу. Внизу – торчащий ствол бластера, рыскает туда-сюда. Хозяин доспеха сам оглядывается настороженно, картинка пляшет, очень неудобно, словно компьютер «не тянет» игру, дергается. Внизу экрана не хватает линии здоровья, аптечки и так далее. Ладно, сейчас подглядим, чем занимается его комбез.

Ничем особенным. Компьютер помалкивает, лишь красными огоньками тлеет готовность аптечки, мускулы костюма тоже готовы к работе в режиме форсажа. Идет анализ аудиоданных, комп пытается выловить в шуме листвы посторонние звуки, но слышит лишь журчание ручья. Инфравизор... никто поблизости тепла не излучает, льдисто-серый холод поверхности ручья и «фонит» чуть-чуть гниющая палая листва. Обычное дело. Ан нет, это что-то другое светится...

Изображение резко смещается, и я вижу, как драконида борется с кем-то... подросток, а то и вовсе ребенок, маленький, тонкокостный... отбивается от чего-то похожего на взбесившуюся лиану...

Удар, подсечка, Главарь – узнаю драконида – отшвырнул своего соперника, удар, биомеч в руках формируется... нет, не в режущее лезвие, в гибкую петлю, захлестывает нападающего за шею, рывок, и тщедушный воитель врывается головой в дерево. Бластер почти в упор плюет сонной иголкой, противник обмякает.

Битва завершилась, не продлившись и пяти секунд.

Мои стражи нервничали, они и не подумали подключиться ко спутнику, не говоря уж о том, чтобы запросить данные с комбезов ушедших вперед товарищей. Не могут, не хотят или вообще не знают, что такое возможно? Поступившее сообщение заставило подскочить моих недреманных стражей.

Идите сюда, сообщил Босс. По ошибке он адресовал сообщение и мне, спохватился и приказал стражам, чтобы они успокоили пленника.

Я рывком поднял забрало шлема, вытаращив глаза, и залопотал по-русски:

– Ах, кошмар!.. Ох, ужас!.. Я жутко перепуган тем, что мои доспехи вдруг заговорили со мной!..

Позволив доблестным солдатам одарить дикаря несколькими подбадривающими тумаками, я замолчал, продолжая крупно трястись.

Мы шли на пеленг, выбрались к руслу ручья. Я поскользнулся на мокрых камнях и чуть не плюхнулся в русло, мои нервные конвоиры рывком обернулись ко мне, вскидывая бластеры и путаясь в лямках рюкзаков сородичей. Я поднял забрало шлема, помахал скованными руками, дескать, неудобно. Один из стражей выругался и сказал, что надо было навалить сидора на меня – может, утонул бы. Второй хохотнул. Я встал, потирая пострадавшие места и хныча и бранясь вполголоса по-русски.

Следуя по руслу ручья, мы вышли на поляну, которую я уже «видел». Пленник смиренно лежал во мхах.

Я смотрю на пленника. Он без сознания. Она, то есть.

Девчонка!

Девочка-подлеточка, совсем лолитка, лет, наверное, пятнадцати, если не меньше – или просто выглядит так? Маленькая и стройная до прозрачной худобы, но все же с должными

округлостями фигуры. Волосы рыжих оттенков – от ярко-начищенной корабельной меди до темной окисленной «памятниковой» бронзы рассыпались по лицу, по точеному личику эльфа... Одетая не в комбез – узкие штаны, похожие на девчоночьи джинсы в обтяжку, рубаха, плащ – вся одежда цвета хаки и кажется живой зеленью, топорщатся листочки. Рядом с девушкой валяется ее странное оружие – лиана длиной метра в три, она вяло шевелится, словно сонная змея на холоде.

Привычка дала осечку – я не смог оценить ее красоты с полувзгляда. Наверное, потому, что парни моего возраста уже не воспринимают девчонок ее возраста в качестве, собственно, девчонок. Или потому, что она была без сознания, на лбу наливалась шишка, в уголке губ запеклась кровь, под маленькой грудью торчала сонная стрелка.

Босс мимоходом глянул на меня, убедился, что все в порядке. И перевел взгляд на девушку.

Остальные толпились вокруг, говорили, перемигивались. Главварь несколько раз требовал порядка и внимания, но не слишком результативно, пока доктор не сказал, что дикарка, возможно, может выкинуть что-нибудь нехорошее, например, призвать из чащи монстра. Тогда только дракониды посерьезнели и обернулись, вода стволами бластеров. Но время от времени бросали на девчонку взгляды и мало что не облизывались.

Все это мне очень не понравилось.

Доктор наклонился над пленницей, отрегулировал свой многоцветный «шприц» и вколол ей, видимо, антидот. Ресницы девушки затрепетали, и Главварь ударил девушку по щеке, ударил равнодушно, словно выполняя некую техническую процедуру...

вспышка гнева

отчаяния

спокойного принятия своей участи

На меня девушка так и не посмотрела. А я смотрел на нее во все глаза, напуганный тем, что чувствую ее эмоции, и особенно фатализмом, «прозвучавшим» в последней мысли.

Мне вдруг показалось, что я ее знаю.

Всеобщее внимание было приковано к пленнице, стражи снова зевали. Я ухитрился встать так, чтобы видеть всех семерых драконидов и девчонку.

Языка она не знала, и допрос продвигался ни шатко ни валко. Доктор посмотрел ей в глаза, их взгляды сцепились на долгие секунды, потом док с болезненным возгласом отвернулся. Сделал знак Главварю, тот опять ударил девчонку по щеке. Пленница затрепыхалась, что-то выкрикнула – кратко, но презрения и бесстрашия в ее интонации хватило бы на десяток Мальчишей-Кибальчишей, героически не выдающих Главную Военную Тайну буржуинам. Дракониды улыбались. Главварь и доктор спрашивали.

Девчонка молчала.

Наконец доктор покачал головой, обернулся к Главварю, беспомощно пожимая плечами:

– Как Понтий Пилат, я умываю руки, – сообщил, делая соответствующий жест. Главварь с той же сожалеющей улыбкой повернулся к драконидам и разрешающе махнул.

Интерлюдия

– Скажите свой урок, ребята, скажите заповедь номер раз. – Дед улыбается. Светка тоже улыбается под маской, я знаю, и шест в ее руках неподвижен, словно весло в ладонях гипсовой девушки.

Наши голоса звучат сначала немного вразнобой:

– Я беру в руки оружие, помня, что в нем заключена смерть. Я никогда не пойду с тренировочным оружием против соперника, не защищенного доспехами, я не обращаю боевое оружие на человека...

Коротко салютую, фигура напротив зеркально повторяет жест.

– ...Если только это не будет необходимо, чтобы защитить себя и других, – почти дуэтом, в унисон заканчиваем цитировать первую заповедь Клуба я и Света.

– Если не будет выбора. И уж тогда бейте в полную силу. – Дед тянет паузу, словно знает, какой мандраж меня колотит. – Начали... – роняет скучно, и палка в руках его дочери устремляется к моему наплечнику.

– Подобные индивидуумы встречаются часто. По моей личной шкале гопничества эти относятся к «гамадрилам». В своем развитии они недалеко ушли от этих животных, и для общения с ними достаточно знать несколько основополагающих правил поведения в обезьяньей стае. Например, зверю нельзя показывать свой страх. Нужно держаться уверенно и нагло.

Антон говорит негромким «академическим» тоном, от которого девчонки писаются кипятком, а парни приходят в бешенство. Эти трое «гамадрилов» не исключение. До главного медленно-медленно доходит, что ему следует считать себя оскорбленным.

– Нужно сразу же указать обезьяне место, – последние слова Тоха произнес небрежно, глядя в лицо самого здорового «гамадрила».

– Ах ты... – «Обезьян» протянул волосатые руки-бревна и сгреб щуплого паренька за шкуру... попытался сгрести.

И тогда все завертелось...

– Уберите пса, или... – Испуганный девчоночий голос.

– Или что? – И пьяное многоголосое ржание. – Ату, ату их!

Собака уже хрипит, брызгает слюной, какая крупная, а глаза совершенно бешеные, но глаза хозяев еще хуже – в них мертвое веселье.

Я стою столбом, в ногах постыдная дрожь, а в голове лишь одна мысль: *это не я, это не со мной, со мной же не может случиться ничего подобного...*

Давай, парень. Представь, что ты в спортзале.

Зверей убивают так, – звучит во мне равнодушный голос Деда. – *Линия от правого глаза до левого уха...*

Петля вокруг моей кисти. Тысячекратно отработанное, отточенное движение. Свист цепи. Чмокающий удар гайки. Рев, сменившийся жалобным визгом, застрявшим в горле, собака тычется пенной мордой в асфальт.

Ржание оборвалось звенящей тишиной. И со всех сторон глаза, белые от удивления, мокрые красные губы, еще искривленные пьяным весельем...

Если только это не будет необходимо...

Все дракониды смотрели на девчонку. Кто-то взялся за пояс комбеза, кто-то сказал про жребий.

Червяк, стимуляторы, – велел я.

ВЫПОЛНЯЮ, – биокомп отдал приказ моей броне, и я ощутил уколы в предплечье.

Червяк, математику.

ДЛЯ ЗАПУСКА БОЕВОГО РЕЖИМА ТРЕБУЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ.

Подтверждаю, запускай математику.

И биокомп запустил.

Я страшно заорал.

Вопль получился знатный, все подскочили, повернулись ко мне. Я указал пальцем куда-то вбок, бластер в руках Главаря дернулся в ту сторону и выплюнул сгусток алого пламени.

Дракониды, словно получив приказ, открыли беспорядочную пальбу, и в этот момент меня накрыл запущенный боевой режим.

Время послушно растягивается. Звуки становятся приглушенными, цвета меркнут, теряют яркость. Мысли неторопливые, спокойные, движения четкие и стремительные.

Я дергаю свою дешевую китайскую вязаную шапочку типа «презерватив» из зажима на поясе комбеза и взмахиваю ей, целя в висок Главарю.

И промахиваюсь. Босс ощущает неладное, поворачивает голову, и камень, который я незаметно подобрал во время падения на берегу ручья и сунул в шапку, бьет ему не в висок – прямо в лоб. *Бум-м-м!*

Девушка пытается откатиться из-под падающего, не успевает. Я отмечаю, что бронированное тело Босса придавит ей ногу и руку. Плохо.

Самый близкий драконид медленно-медленно поднимает ствол бластера. Остальные еще даже не сообразили, что произошло, продолжая палить в указанную мной сторону.

Я прыгаю назад с разворотом, плавно, как отработывающий движение балерун. Бью по затылку дракониду, стоящего ко мне спиной, и падаю вместе с ним, закрываясь телом. Подхватываю выпавший из бессильно разжавшихся пальцев биомеч. Контакт?! – Есть контакт!

ДОСТУПЕН ПОЛИМОРФНЫЙ ОРГАНИЗМ «АСПИД-7».

А в прошлый раз никакого «доклада» не было, рассеянно думаю я. Хотя и понятно, без импланта-то.

Оружие подчиняется почти мгновенно. Лезвие легко рассекло наручники, заодно прорезав броню комбеза и отхватив клочок моей собственной кожи. Все-таки попробовало крови... Образ.

Я вскакиваю на ноги и вижу перед собой огромную фигуру. Как и было рассчитано в *математике*. Мои руки уже перехватили оружие за середину, вместо клинка под пальцами возникает рукоять, и тупой конец древка тоже превращается в лезвие, повинаясь моему воображению. Двухстороннее копьё в моих руках неторопливо завертелось... на самом деле за этим движением нельзя уследить без ускорения восприятия. «Баттерфляй», красивое слово, и концы шеста, «размазанные» в воздухе, действительно напоминают взмахи крыльев бабочки.

И выбитая палка летит на маты.

И одно из лезвий разрезает напополам ствол бластера.

Заодно с локтем дракониды.

Крик больше похож на низкое гудение, а потом раздаётся бульканье, когда другое лезвие перехватывает горло дракониды, прорезав броню как бумагу.

Минус один.

Мазки крови на клинке бледнеют, пропадают. Напоим мечи кровью, здесь это не просто краснота речи. «Аспид» очищается сам или мгновенно впитывает всей поверхностью нужные ему питательные вещества. Кровь питательна. Интересно, почему моя не понравилась? Пересоленная или гемоглобина мало?

Какая чушь лезет в голову, когда ты уже мертв.

Я просто не успел. Я слишком далеко.

Математика позволяет двигаться немного быстрее – но гораздо точнее. Однако я все же не вписываюсь между юркими колючими секундами, и бластер в руке моего врага смотрит мне в грудь, и палец его уже нажимает на спусковой крючок.

Так! – Тихий плевок пневматической навески. Солдат ошибся. Я буду жить.

Шкряб! – Я не уворачиваюсь, сонная или ядовитая игла бьется в нагрудную пластину моего комбеза и бессильно отлетает. Стрелявший переключает бластер на стрельбу плазмой, я рассчитываю время нажатия спускового крючка, траекторию выстрела.

Фс-с-с-с! – Клуб огня проходит так близко, что видеосенсоры моего комбеза слепнут на какое-то время. Враг стрелял почти в упор.

На второй выстрел я времени ему не даю.

Удар. Игольчато-острый клинок пронзает броню и грудь, я ощущаю незначительное сопротивление брони, плоти и кости.

Минус второй.

Мгновение – древко копья сгибается, само себя вынимая из уже мертвого тела, хлещет вбок.

Доктор все это время пытается отдать приказ моему импланту на боль, оглушение, наконец бросил команду смерти. Все эти сигналы, конечно же, не проходят, и драконид все же берется за бластер как раз в тот момент, когда я бью. Доктор, казалось, успевает сберечь не только руки, но и оружие, на самом же деле...

Враг яростно жмет курок, не замечая, что пяток сантиметров дула не хватает.

Вспышка так сильна, что похожа на маленькое солнце даже через фильтры, часть особо чувствительных сенсоров моего комбеза перегорает. Грохот сравним с выстрелом из пушки.

Доктор ослеплен и оглушен. Он мотает головой, пятится, держа перед собой дымящееся оружие. Легкая добыча – удар снизу вверх, хруст, грудная пластина брони вспорота.

Драконид в агонии жмет курок, ствол бластера вспыхивает и с грохотом рвется. Осколки хлещут меня в грудь. Отстраненно чувствую боль в боку. *Математика* не все-сильна, рассчитать этот взрыв я не мог.

Минус третий. Приоритетная цель устранена.

Имеются незначительные повреждения. Моя функциональность – девять десятых. Выполнение задачи продолжается.

Пронзительный девичий визг:

– Сзади!..

Знаю.

Я оборачиваюсь, вскидывая биомеч. Оружие чуть прогнулось, гася мощь удара, но и так шок от столкновения лезвий волной пробивает руки до самых костей.

Враг нападает с оружием ближнего боя. Почему? Я стоял спиной к нему, но он побоялся зацепить своих. Которых я уже убил, но он не успел среагировать на изменившуюся обстановку.

Выпад – отбит. Удар – отбит. Вновь проламывающий удар сверху – так силен, что я едва не падаю. Драконид обрушивается на меня, остервенело лупит.

Тоже кстати. Его широкая спина надежно прикрыла от драконидов, жаждущих поджарить меня...

Потому я позволяю ему меня теснить, сформировав двухострое копьё, отражаю удары, уворачиваюсь. Необходимо набрать опыт фехтования на оружии, которое в любой момент может сменить свою форму. Враг чуть медлит, пытаюсь дать остальным возможность меня подстрелить, но тут я сам иду в атаку, все время маневрирую так, чтобы он был между мной и ими. Драконид издает вопль бешенства и снова насаждает, осыпая частыми ударами.

Клинок летит к моему плечу. Уклонение не больше необходимого, лезвие сносит клочок брони. Тут же удар с другой стороны снимает стружку с предплечья. Удар. Удар. Еще удар. Опять удар. И вот я у приметного дерева с корой, похожей на толстую резину...

Молодец, ты меня прижал к препятствию, давай же. Я никуда отсюда не денусь.

И логика боя, рассчитанная до данного момента, бережно подведенная к нему, предсказывает определенный финал. Я не отбиваю длинный выпад, уходя в сторону и вниз.

И клинок противника пролетает прямо надо мной и вязнет в стволе дерева. Плотная кора, прочная древесина, у меня есть какое-то время, чтобы...

Кто-то рядом вопит звонко, срывая голос. Слово, зовущее, взывающее, невероятно красивое. Какой-то миг я знал его значение – покорнейшая просьба и одновременно приказ, которому невозможно не повиноваться...

Я как будто вижу сквозь маску. Драконид пытается высвободить биомеч и одновременно что-то сделать с его свободной частью. Но...

Первое – враг скверно управляется с заданием формы мечу, что я заметил при фехтовании. Не знаю, в недостатке практики здесь дело, или в отсутствии мозгового импланта, как у меня. Выяснить. Не сейчас, есть более важное и интересное.

Второе – сверхострый клинок отчего-то намертво застрял в нетолстом стволе дерева. Не включенный в расчеты фактор. Заклинание девчонки, приказывающее дереву захватить меч противника. Заметка: при первой же возможности изучить заклинание, выяснить возможные пределы применения, отработать использование в бою. Но тоже позже, потому что сейчас...

Я бью. Снизу вверх, без замаха, но клинок биомеча сформирован в режущую дугу сабли. Изогнутая сверхострая тонкая полоса легко рассекает броню и плоть.

Отсеченные руки остаются на искривленной рукояти, с которой драконид пытался что-то сделать – кажется, сформировать в виде щитка. Аморфная клякса живого металла и живая, но уже мертвая плоть... по-киношному жуткое зрелище. Я даже подумал, что они так и будут висеть, но пальцы разжимаются, и кисти сваливаются с рукояти.

Минус ноль целых девять десятых. Я вскидываю биомеч. Драконид не боец. Скорее всего, он очень скоро умрет. Можно не утруждать себя, но... Даже безнадежно искалеченного нельзя оставлять за спиной, гласят строгие уравнения *математики*.

В напрасной попытке защититься драконид вытягивает перед собой то, что осталось от рук – красная пульсирующая плоть, желтые сухожилия, белые колечки ровно обрезанных костей. Визг обрывается, когда падает мой клинок.

Вот теперь минус один целиком.

Я берусь за застывшую окровавленную аморфную массу металла, торчащего в дереве. Через миг она уже облекает мою руку, обращаясь в рукоять шпаги с охватывающей кисть чашкой гарды. Дернув, я без труда освобождаю оружие.

Плюс меч.

И... да. Я в самом деле чувствую, как дерево облегченно вздыхает, избавившись от занозы. Предположение: особенность магии, которую применила девушка. Предположение: подобная зеленая магия заключается не в жестких приказах растительности, а основана на взаимном уважении. Проверить. Потом. Замечание: стоит извиниться перед деревом. Потом.

Если представится возможность. Потому что я опять не успеваю.

Все, что я могу, – распрямить тело пружиной в длинном прыжке. В полете я вижу девушку, она смотрит на меня, в огромных глазах были испуг и... узнавание?..

Что-то сильно бьет в спину. Удар плазмы приходится вскользь, лишь один успел среагировать на движение. Я лечу медленно, словно во сне, мимо неторопливо проходят яркие трассы выстрелов, на их пути ветви кустов распадаются в пепел, не успевая вспыхнуть.

Я падаю, гася скорость перекатом, отрезая себя от врагов стеной зелени. Больно. Отсечь боль. Моя функциональность – четыре десятых. Выполнение задачи приостановлено, имеются серьезные повреждения.

КРИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕГРЕВ КРИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕГРЕВ КРИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕГРЕВ, – голосил комбез. *БОЛЕВОЙ ШОК БОЛЕВОЙ ШОК БОЛЕВОЙ ШОК*, – вторил ему червяк.

В тело вонзились иголки, как будто с десятка сторон – в ягодичы, лопатки, предплечья, ноги, в шею. И в кровь хлынул огонь.

Стимуляторы. Потом мне это воздастся, но выбора нет. Тело действительно как будто превратилось в сгусток невесомой плазмы.

Фс-с-с-с! – надо мной пронесется плазма настоящая. Прокатившись по прелой листве, я прыгаю в кустарник и ползу, убираясь подальше от поляны.

Функциональность семь десятых, достаточна. Выполнение задачи продолжается.

Я перешелкиваю режимы оптической системы комбинезона. Инфракрасный. Лес становится серым, только пламя сверхновой позади – это пылающие кусты, впереди россыпь звездных остывающих огней – это ветви, срезанные пальбой.

Никого не видно. Комбезы экранируют тепло, но дула бластеров должны были быть заметны. Расчеты возможного местонахождения врагов дают все больший разброс координат.

Фс-с-с!

Линия выстрела проходит в опасной близости. Я бегу в согнутом виде, петляя между стволами деревьев.

Фс-с-с!

Фс-с-с!

Плазма прожигает листву где-то в стороне. Теперь я достаточно далеко и могу устранить демаскирующий фактор. Вот так.

Я падаю и катаюсь в кстате подвернувшейся луже. Вода шипит и испаряется от соприкосновения с раскаленной броней. Так они меня и видели – моя спина прямо-таки светилась в инфракрасном, как сигнальный огонь, как мозоль павиана.

Теперь дракониды меня не видят, и у нас равные шансы. У них превосходство в живой силе и огневой мощи. Зато я знаю, где они. *Валар!*..

ЗАПРОС.

Можно на мгновение остановиться, прислониться к дереву. Многострадальная спина отозвалась воплем боли. Игнорируй это.

Я отдаю приказ.

ВЫПОЛНЯЮ СОЕДИНЕНИЕ.

Оптикой спутника драконидов было не разглядеть. Зато существует такая вещь, как система позиционирования.

Вот это – я, вот здесь трое врагов. Ищут.

Я осторожно пробираюсь через лес, руководствуясь картинкой со спутника, половиной сознания будучи в реальности, половиной глядя на себя сверху. В который раз подумал о компьютерной игре. В некоторых «бродилках» карта уровня, на котором ты находишься, выводится поверх экрана тонкой полупрозрачной паутинкой. Но это не игра. И сейчас не компьютерное железо трудится ради развлечения великовозрастного балбеса, а *математика* обсчитывает ситуацию, поджаривая мои собственные мозги.

Девчонки не видно. Метка «крупная жизненная форма» куда-то делась. Возможный союзник. Жаль.

Ага. Главарь наконец додумался. Собрав оставшихся бойцов, велел себя караулить и обратился на спутник.

Валар.

ВЫПОЛНЯЮ.

Статус Вечного – не панацея, не «режим бога». Я не могу на расстоянии отключить биокомбинезоны моих врагов, заблокировать их мышечные усилители, приказать аптечкам

вколоть все препараты разом. Наверное, при тактильном контакте это вполне осуществимо, но едва ли мне предоставят возможность проверить. Однако спутник повинуется мне беспрекословно – может быть, потому, что потрогать его затруднительно. Заметка: выяснить. Потом.

Я прячусь в виртуальном пространстве спутника, «стою в тени». Когда Босс заходит, я заглядываю через его плечо в карту, которую он разглядывает, и тыкаю пальцем.

Меня здесь нет. А есть я – вот здесь.

Моя отметка появляется на мгновение чуть позже остальных, но Главарь этого не замечает.

Оставляя часть сознания на спутнике, я иду через лес. И – вот они, мои враги, недалеко от меня, за стеной зелени. Сенсоры комбеза их не секут, но спутник выдает позиционирование со всей определенностью.

И есть что-то еще. Нечто сверхчувственное, то, что в боях иногда позволяло мне ощущать настроение противника, тоже говорит – враг здесь...

Биомечи в моих руках затрепетали, словно чуя новую кровь.

Нет, еще не сейчас. Я жду, пока дракониды проходят мимо, выбираюсь из кустов и направляюсь по их следам в противоположную сторону.

Тела...

Они лежали, изломанные, какие-то ненастоящие, похожие на манекены, сброшенные со второго этажа.

Математика отсекает ненужные в бою эмоции. Но мне все равно плохо. Я это сделал. Я их убил. И буду убивать еще.

Оружие.

Один биомеч, потерявший жесткость, я перехлестнул через плечи, подобрал бластер. Вспомнился старый фантастический фильм, в котором пистолет, схваченный чужой рукой, огрызался электрическим разрядом. Да, конечно, здесь была система защиты от несанкционированного доступа. И она, разумеется, не устояла перед моим статусом Вечного, и крохотный интеллект огнестрельного оружия тоже тут же признал во мне хозяина.

ДОСТУПЕН МУЛЬТИГАН «ДОВОД-3».

Резонно. Бластер – это лишь огонь, плазма, а тут и навеска, метающая стрелки, и что-то вроде фонаря, который может выдать опаляющую и парализующую вспышку, и, похоже, можно приделать еще модули... Так что – мультиган, самое то название.

Я переворачиваю одно из тел и вытаскиваю обоймы из поясных креплений, перекладываю в свой пояс. Достая кассету для аптечки и меняю свою, с почти пустыми капсулами для стимуляторов и обезболивающих.

Враги пока блуждают, все еще веря показаниям спутника. Есть время для попытки разыскать возможную союзницу. Или хотя бы ее следы.

Но я не обнаруживаю ни того, ни другого. Ищи эльфа в лесу, вдруг сама собой складывается поговорка.

Спутник сообщает об «активном использовании энергетического оружия». То есть в меня палят почему зря, надеясь, видимо, спугнуть. Что ж...

Мой сигнал-обманка задвигалась по карте, так, чтобы ложный «я» был почти в пределах видимости драконидов.

А теперь самое опасное.

Я убрал оба клинка, обмотав вокруг пояса, заткнул за них бластер. Вдохнул и поднял забрало, развел руки, показывая условную безоружность и дружелюбность.

Ничего.

Попытаться воспользоваться своей неверной телепатией? Нет, затруднительно сейчас размышлять о Добре-Свете-Гармонии, находясь в *математике*.

И тут я споткнулся.

Невозможно. Просто не-может-быть. В этом режиме человек не способен запинаться о пороги и ударяться об углы. Если только...

Если только углы-пороги не невидимы. Эврика. Вот и наша эльфийская принцесса. Заметка – по возможности изучить такое полезное заклинание и отработать... и так далее.

Сначала тело, о которое я споткнулся, показалось мне столь же безжизненным, как и все остальные. Маскировочный прикид эльфийской принцессы надежно прятал ее в листе, кроме того, мое восприятие явно искажалось, мешая сосредоточиться на ней. Даже *математика* сбоила. Плащ закутывал маленькое тело почти целиком, не плащ, а одеяло какое-то...

Я наклоняюсь над телом – и еле успеваю отпрянуть, когда что-то бросается мне в лицо. Биомеч хлестнул, чтобы рассечь врага... в боевом режиме руки действуют «поперед бабки», я еле успел остановить адекватный ответ.

Лезвие вспорол воздух и остановилось, не коснувшись... плаща?..

Да, меня атаковал плащ. Его край грозно заколыхался, на краю топорщилось что-то похожее то ли на клыки, то ли на когти. Я осторожно трогаю плащ лезвием биомеча, ступив его, но беспокойная одежда отвела оружие от хозяйки, попыталась вырвать у меня из рук, перегрызть... Заметка – по возможности разжиться таким прикидом, оценить плюсы и минусы ношения.

Сдвинув в сторону плащ, я наклоняюсь над эльфийкой.

И в третий раз не успеваю.

Время дрогнуло и пошло с обычной скоростью, чистота и холод мыслей растаяли. *Математика* прервалась.

Я смотрел в глаза эльфийской принцессе.

Лучистые... наверное, это слово, применяемое к описанию глаз, а не атомных процессов, давным-давно стало штампом. Но нет другого слова, которое более точно опишет глаза девушки.

Темно-карие по краю, светлеющие к зрачку, с четкими янтарными лучиками, словно прорисованными в глубине. Широко распахнутые в испуге, очень красивые глаза.

Я ударил.

Нехорошо, конечно, бить девушек. Но всегда ли мы делаем только то, что хорошо?

Я ударил биомечом, но не лезвием, приколовшим бы тонкое тело к земле как булавка прикалывает бабочку к альбомной странице. Ударил рукоятью оружия в кулаке – как кастетом, прерывая ее вторую атаку, в чем бы она ни заключалась.

Девушка упала, и я наклонился над ней, почти нависая. Приказ – и один биомеч, повинаясь, скользнул с плеч, вонзился хвостом в землю, словно «загарпунился», жесткой петлей охватив нежную шейку эльфийской принцессы. Девчонка задержалась, чуть не перерезав себе горло, пришлось опять коснуться биомеча, затупив режущую кромку.

Я выпрямился и отвернулся, опираясь на ствол дерева. Теперь набраться смелости и посмотреть вниз.

Раз... Живая лоза, странное оружие моей неблагодарной эльфийки. Два... Тонкий, толщиной в мизинец, гибкий ствол, серый с золотыми прожилками. Три... Изумрудные красивые листья ромбической формы, толстые, плоские и жесткие, как жесь, по краям листьев крохотные острые зубчики.

Четыре таких листа были вбиты в мой бок до половины. Кровь бежала четырьмя тонкими ручейками. Лоза вяло шевелилась.

Я застонал. Больно. Блин, больно. Больно, блин. Не очень, правда. Но больно. Блин, больно же. Не очень больно, но когда лоза шевелится...

Цыц, застынь!.. – Лоза вздрогнула, словно змеиное тело с отсеченной головой, и замерла. Я даже не удивился, что она меня слушается, сжал зубы, переживая волну боли. Больно, ешкин свет, больно, больно, больно...

Но больше досадно. Знал ведь. Но не посчитал сам, что принцесса будет меня атаковать. И *математика* подвела. Так не должно быть. Не-а, ни в каких книгах такого не было. Чтобы спасаемая принцесса пыталась убить спасителя. Обычно принцессы благодарят по-другому...

Я неловко шевельнулся, боль вспыхнула и снова замерла, собралась вокруг листьев. По этой боли я запросто мог представить их форму. Выдергивать нельзя, кровь хлынет потоком, а так лезвия... листья... играют роль пробки.

Девушка позади ожесточенно дергалась, пытаясь выбраться из петли, не издавая ни звука.

Сколько?.. Наверное, одна десятая функциональности. Нет, стоп, не лести себе. Десять процентов? Два от силы.

Сознание туманилось, жизнь вытекала вместе с кровью. Контроль виртуала спутника прервался, и точка, за которой гнались Босс и иже с ним, замерцала и исчезла. Трое остановились, растерялись. Пошли все же вперед, но неуверенно.

А потом быстро побежали назад, когда компьютер спутника с услужливостью идиота указал мое реальное местоположение.

– Ты дура, – сообщил я.

Хотелось закрыть глаза и поспать. Биокomp молчал. Даже эльфийская принцесса перестала дрыгаться в удушающих объятиях. Лоза тихо шуршала листьями. Я подхватил ее – длинная какая, – и осторожно обмотал вокруг пояса. Застывшая лоза сползала, я приказал, и она чуть затянулась, сохраняя приданную мной форму.

Я запрокинул лицо. Неба не было видно, лишь синие лоскуты в сплошной зелени, и я обратился с молитвой к вершинам деревьев, выпрашивая силы...

Девушка вдруг что-то выкрикнула. Пришла волна силы, и дерево, на которое я опирался, грозно зашелестело ветвями. Одна из корявых рук-веток сунулась ко мне, я, ничему не удивившись, отстранился и слегка шлепнул по ней – мол, убери ручки загребушие.

И произнес то же Слово, перехватив волну силы и отправив назад. Заклинание получилось легко, словно я не один месяц практиковался. То ли из-за *математики*, то ли близость смерти так повлияла, – но зеленая магия вдруг стала внятна мне.

Девушка за спиной испуганно завопила, когда мох и стебли травы, в которых она лежала, охватили ее тело влажным зеленым саваном.

– Слушай, ты, – отчего-то я не сомневался, что она меня поймет. – Не дергайся. Сейчас нас будут убивать. Тебя за Выдох Дэва, а меня за то, что такой болван...

Девчонка примолкла. Я проверил заряд в мультигане, поставил створ дула на узкий фокус. Потом обратил биомеч в ленту и обмотал предплечье.

Жизнь уходит из тела, истекает в раны, я чувствовал брюхом горячий ручеек. По чистой случайности листья вспороли квазимышцы комбеза так, что он не мог зажать раны. По случайности ли? Как вообще этой слабосильной девчонке удалось пробить такую броню таким оружием? А из-за касательного удара плазмой в спину пластины брони спеклись, намертво заварив замки. Пожалуй, я бы смог открыть свой комб биомечом, словно консервную банку. Вот только пока я буду вырезать сам себя из горелого железа, немудрено будет потерять сознание от боли. Имплант?..

Мой верный червяк заверил, что болеутоляющих в комбезе хватит, но он не гарантирует ясность мышления при передозе, который у меня уже есть. Понятно, почему я уже не чувствую боли.

Только досаду.

Массаракш, как же глупо так вот подыхать, в чужом мире... Почему? Не хочу! А как же спасенные девицы, остроухие эльфы, таинственные пророчества, хорошо сбалансированные мечи и могучая магия?

Ну, спасенная девица у меня уже есть... только надо спасти ее до конца...

Наверное, я все-таки отрубился. Имплант разбудил меня, когда три точки были уже совсем близко.

Я поднял мультиган, навел в их сторону и плавно вжал курок. Компьютер комбеза нарисовал ромбы целеуказателей, подсветил фигуры в зелени, достроив невидимое невооруженным глазом.

Мягко толкнула отдача, и зелень перечеркнул огненный луч.

В ответ навстречу мне хлынул огонь.

Один драконид завалился, другой попытался укрыться за деревом, придурок... Мой выстрел прошиб ствол насквозь. Я извинился перед деревом.

Перестрелка продолжалась еще пару секунд, а потом выстрел Главаря срезал дуло моего мультигана и часть казенника, забрызгав маску и доспех расплавленным металлом. Обожженная лоза нервно шевельнулась.

Вот и все. *Имплант, активировать режим «Берсерк».*

ПОДТВЕРДИТЕ.

Подтверждаю.

РЕЖИМ АКТИВИРОВАН. – Мне даже показалось, что в «голосе» импа послышались скорбные нотки.

Боевой режим «Берсерк». Тело – непредставимая легкость, сила, малочувствительность к боли. Разум – расчетный транс, мышление в несколько потоков, позволяющее мгновенно реагировать на события и в какой-то мере предсказывать их.

Как будто все то же, что и в *математике*?

Нет...

Математика всего лишь позволяет действовать на пределе возможностей человеческого тела и разума. Выжирает силы до доньшка, но все же не преступает ограничения, которые наложила на человека природа.

«Берсерк» выходит за все пределы, проламывая эти ограничения. Человек в таком режиме функционирования импланта превращается в боевую машину, в бога смерти.

Которая и ждет его потом.

Потому что режим «Берсерк» выпивает саму жизнь. *Ultima ratio.*

Время вновь растягивается, но сейчас степень замедления много больше. Мир как будто замер, выцвел и превратился в *цифры*.

Я смотрел своими глазами и сенсорами своего комбеза. Смотрел глазами девчонки – эльфийской принцессы.

Дано...

Направление и сила ветра и сопротивление воздуха.

Препятствия, листва, ветки деревьев, неровности почвы.

Воздействие силы тяжести.

Наклон ствола оружия, регулировка створа.

Задержка во времени между нажатием на курок и выстрелом.

Градус отдачи при выстреле.

Погрешность от дрожи рук противника.

Все эти символы и цифры падают во тьму моего рассудка, в безумный хоровод – и вдруг застывают, образуя четкую формулу. Проходя ее частями, я люблю строгую красотой расчетов, играю переменными, создавая полотно будущего.

В реальности же лоза удавом обвивает мое тело, ее листья поворачиваются, чтобы закрыть наибольшую площадь моего тела. Я откуда-то знаю, что эта нежная зелень в случае необходимости запросто может защитить от огня. Не от прямого попадания из мультигана, конечно, но хоть какой-то бонус к защите.

Мягкие кольца биомеча струятся с предплечья, рукоять удобно ложится в ладонь, и я срываюсь в бег с препятствиями. Исполняя формулу, уворачиваюсь от выстрелов, припадаю к земле, перекачиваюсь. Клинки листьев лозы от движений и ударов рвут мое тело, расширяя раны, но это данные, которыми можно пренебречь. Оружие вытягивается в копьё – короткое, с толстым древком и четырехгранным клинком, острие которого сходилось на иглу.

Отводя руку назад, я подпрыгиваю и швыряю свое оружие. Оно будет лететь долю секунды, есть время поразмыслить о вечном.

Босс уже мертв. Вот только и я тоже. Бросив тело вверх, я лишаю себя маневра. Мое движение зависит от простых физических величин, в этих формулах нельзя ничего изменить.

Разве что извернуться, уходя от еще не выпущенного заряда плазмы. И... приказать лозе, чтобы частично раскрутилась с меня, растопырив листья, как паруса.

Траектория меняется. Чуть-чуть.

Острие копья касается пластины нагрудника Главаря.

Его палец вжимает спусковой крючок, и бластер выплевывает сгусток белого огня. Пламя настигает меня, застилает поле зрения ослепительным светом...

А потом падает тьма.

Глава 5

Тьма

– Молодец, – сказала Леди из огромной пластины алмазного зеркала. – Нет, серьезно. Я даже почти впечатлена.

На сей раз ей не понадобилось намекать и подсказывать, я помнил себя и произошедшее.

– Да. – Я не стал скромничать. Глупо, но всегда мечтал о чем-то таком... героическом.

– А ведь она во всем виновата. Она тебя убила. Зачем ты ее спасал с таким усердием?

Хотел бы я сам знать... Потому что это было необходимо?... Судьба? Рок, фатум... никогда не верил в предопределенность. Но все же – зачем?

Я беспомощно развел руками. Леди слегка улыбнулась.

Знакомое ущелье, заполненное алмазными осколками, простиралось вокруг. В нем ничего не происходило. Если логически предположить, мир моего воображения с моей смертью должен начать разрушаться...

– М-м-м... а вы меня проводите? – спросил я наконец.

– Куда?

– Ну, куда там положено... Вам, верно, виднее, куда уходят люди после смерти. В ад и рай я, кстати, тоже не верю, – а не ляпнул ли я лишнего, подумал Штирлиц. Говорить такое сверхъестественному существу... и потом, я ведь, можно сказать, самоубился. Один из немногих грехов, который я сам признаю.

Леди разглядывала меня с удивлением.

– После смерти? – переспросила наконец. – А с чего ты, собственно, взял, что ты умер?

– То есть...

– Ты куда жив. Я слегка помогла.

– У? – Леди не выглядела человеком, способным кому-то просто так помочь. – Спасибо, конечно...

– Хочешь знать, какую плату я с тебя истребую? – улыбнулась Леди. – Ты в самом деле готов ее заплатить?

– Ну, я попробую. Если это под силу человеку. И если, – тут я вспомнил кое-что, – если я буду помнить нашу встречу и не сочту ее бредом. А то прошлую мгновенно забыл.

– Забудешь и эту, – уверенно сказала Леди.

– Но почему? – обиделся я.

– Потому что рано, – невпопад ответила женщина. – Считаю, мы в расчете.

– Мне не нравятся бесплатные подарки, – набычился я.

– И в этом ты прав. Но пока ты делаешь все правильно и движешься в верном направлении. И ради удовольствия следить за твоим путем я могу подбрасывать тебе на нем мелкие подарки. Например, вот этот... подойди.

Не без опаски я приблизился к кристаллу. Леди подняла руки, – узкие ладони, длинные тонкие пальцы...

И с размаху ударила по разделяющей нас плоскости изнутри кристалла.

– Ой!.. – отшатнувшись, я упал. – Что такое?

В глаза будто песку сыпанули. С трудом удержавшись, чтобы не приняться изо всех сил растирать, я встал на колени, опустив голову, и отчаянно заморгал слезившимися глазами. Но песчинки не вынимались и жгли все сильнее.

– Что это, зачем?! – прорычал я, запрокидывая голову. Леди улыбалась, глядя на меня сверху вниз. Хлопнув ладонями по плоскости изнутри, она вышибла алмазную крошку – и кристаллы попали мне в глаза!..

– Вот именно. Боль – невеликая плата за более острое зрение, ты так не считаешь? Почему бы тебе его не испробовать? – Она указала куда-то вверх, за мою спину. Я послушно оглянулся.

Ничего. Только черные пики гор на фоне черного неба с искрами звезд.

– Неужели? – удивилась Леди. – А вот так?

Она резко хлопнула в ладоши – звук разнесся по ущелью, как хлопок выстрела стартового пистолета.

И я увидел, как с пиков летят знакомые клочья черноты. Вот только на сей раз их было много больше, и были они гораздо крупнее и, видимо, опаснее.

– Что вы делаете?! – завопил я. – Они же сейчас набросятся!

– Уж будь уверен.

– Но мне...

– Придется драться, конечно.

– Чем?!

– Серый, твои глупые вопросы меня несколько утомили. – Леди начала растворяться в толще кристалла, на прощание чарующе улыбнулась и положила руку себе на грудь.

Ах, да... я торопливо вообразил черную дыру в своей груди и запустил туда руку. Взмолился – только не как в прошлый раз!..

Рука онемела, нащупав что-то в темноте самого себя, я поволок это наружу. Ну... уже лучше. Хотя ненамного.

Пижонская выкидушка с блестящей кнопкой и клипсой. Это что, боевой нож? Конечно, умеючи и перочинным можно дел наворотить. Я повернулся к алмазу, но намерение сказать пару ласковых осталось невоплощенным по причине отсутствия собеседника. Леди в черных лохмотьях исчезла.

Вздохнув, я выщелкнул клинок и повернулся к налетающей тьме.

На этот раз она была оформлена поразнообразней. Я бегал, прыгал, рубил и колол черных птиц, летучих мышей, бил рукоятью и пинал каких-то мелких зверьков, норовящих подобраться по земле. Иногда рассеченные не распадались в пепел, их лоскуты превращались в кричащие и хохочущие рожи, летающие вокруг меня. Самое мерзкое, что эти черные хари представляли собой многожды повторенные и искаженные человеческие лица. В этой портретной галерее были я сам, родные и друзья, неприятели, просто какие-то левые почти незнакомые люди, даже известные спортсмены, актеры и политики.

Резать эти черные отражения было трудно и неприятно. Хороводы лиц грозились раздвоенными языками, кричали невнятно, хрипели... Гибли, но на их место приходили другие, и я уже начал считать, что я никогда не смогу вырваться из темных вихрей.

Свет пришел извне. Невыносимо яркий, он ворвался во тьму, принес с собой запах горьких трав. Свет жег черных тварей, лоскуты тьмы мгновенно сгорали и уносились течением света...

Я что, умер?

Наверное, нет. Мыслю – следовательно, существую.

Могу испытывать боль – значит, живой.

Холодная тяжесть на лице. Тупая боль, бьющая изнутри. Горячая пульсация внутри черепа, в глазах.

Я ослеп?!

Ужас подкинул меня над моим ложем, боль рванула тело.

– Лежи, лежи, – прохладные ладони опустились мне на плечи, легко и настойчиво толкнули.

– Кто тут? Что со мной? Я буду слепым?

– Не знаю, – ответил девичий голос.

Эльфийка?!

– Подними голову...

Я ощутил на лице теплое дыхание и возрадовался – наконец-то в моей дурацкой сказке хоть что-то соответствует канонам.

Девушка... выдохнула мне в рот. Нет, она не делала искусственное дыхание – просто дунула в рот. Вместе с ароматным дыханием в меня вливался золотой туман, легко дурманящий и несущий успокоение.

Потом к моим губам прикоснулось нечто жесткое и холодное, рот наполнила горечь. Я чуть не поперхнулся, но сглотнул.

И отключился.

Когда я снова пришел в себя, девушка угостила чем-то другим, не менее горьким. В голове плескалась мутная хмарь, но настойчивый голос держал меня в реальности.

Какое-то время я просто слушал его, наслаждаясь мелодичным звучанием, потом понял, что эльфийской принцессе позарез нужно узнать, можно ли мне вообще сок огня.

– Да чтоб я знал, – прохрипел я, и темный прилив снова утащил меня в небытие.

Проснулся я не один. Поднял руку, и сотни мурашек разбежались по коже. Пальцы не чувствовали ничего.

Девушка шевельнулась рядом. Видимо, сейчас ночь, мы спали, укрывшись одним плащом, благо живое одеяние могло растягиваться на большую длину.

– Лежи, – велела девушка.

– Лежу, – хрипнул я.

– Спи.

– Не могу. – Я протянул руку ощупать лицо, девушка перехватила и отстранила, вытерла лицо прохладной тряпкой.

– Хочешь пить?

– Да.

– Сейчас. – Тонкая ладонь приподняла мою голову. Я разомкнул сухие губы, коросты мгновенно растрескались, и язык обволок металлический вкус крови.

Сначала выдох рот в рот, и еще кусочек силы, которой со мной поделилась целительница. Девушка отодвинулась, я услышал стук и бульканье. Наклонилась надо мной, и губы прикоснулись к губам, в рот хлынул теперь сладкий отвар.

Я чуть не поперхнулся, но сумел проглотить все, что она мне передала таким экзотическим образом.

– Что?

– Почему... так?..

– Чары исцеления. – Тело девушки напрягается рядом. – Спи.

В ее голосе слышится сила, и меня уносит в темноту. Но это другая темнота, спокойная и безопасная.

Я сплю.

Наступило утро. Я не увидел его, но услышал. Пели птицы, девушка проснулась и ходит вокруг стоянки.

Подняв руку, тяжелую, словно налитую свинцом, я стащил со лба мокрую тряпку. Больно. Кожа горела. Я старательно поморгал.

И не увидел ничего.

Девушка отобрала у меня тряпку, смочила, отжала и принялась осторожно омывать мне лицо. Боль постепенно отступала. Потоки воды бежали по щекам в уши.

До меня вдруг дошло, что под покрывалом я совсем голый.

Девушка куда-то ушла. Вернувшись, предложила мне сок дерева смерти. Многообещающее название. Эвтаназия, что ли? Да хоть бы и так...

Я решительно выпил, и меня охватило полузабытье. Моя терпеливая сиделка принялась ворочать колоду моего тела, омывать многочисленные ожоги. Боли я не ощущал.

Только неправильность ситуации – в книгах о таком никогда не писали! – и стыд. Как тяжело, оказывается, немощному принимать чужую помощь...

После всех дел целительница ушла мыться, а я лежал и сражался с небытием.

Вернувшись, девушка положила прохладную ладонь на лоб, опять подышала в рот, творя какие-то заклинания.

И я их видел.

Сиреневая пыль, падающая с тонких пальцев, впитывается в кожу и гасит боль. Белые маленькие молнии щекочут, жгут ранки. Прозрачная вода вымывает инфекцию и превращается в корочку льда. Заклинание сна похоже на невесомые серые вуали.

Вот так выглядели целебные заклинания моей «сестры Терезы»... не знаю, с чего я вдруг стал видеть магию – возможно, слепота так сказала.

Мне тепло, и боли нет. Сок плодов дерева смерти – сильное обезболивающее. Передозировка приведет к остановке сердца. Его дают безнадежным. Когда девушка в первый раз угостила меня этим соком, она долго сомневалась, разводить мне его или дать выпить так.

Интересно, если я попрошу, она нальет мне неразведенного?

Я позволяю темному океану качать себя и думаю о Нанджи. Нанджиэрис са Науэрей-дехе, дочь Наннитис. Кажется, то, что она назвала мне имя полностью, что-то значило. Я тоже представился вместе с фамилией-именем-отчеством, и она тоже не смогла запомнить и повторить с первого раза. Так что я – Серый, она – Нанджи.

Девушка говорила на незнакомом, но понятном мне языке. Звучит странно, но так оно и есть.

Я не всегда понимал Нанджи, стоит вслушаться в певучее звучание длинных слов, как смысл их совершенно терялся, но когда я отрешался от звука и слушал не ушами, чужой язык становился не родным, но хорошо знакомым. Я говорил на языке драконидов, который успел подучить за несколько дней, иногда, забываясь, на русском, но принцесса прекрасно меня понимала. Нужно было не бездумно произносить слова, а самому сознавать, что говоришь, четко формулировать в сознании «единицы смысла».

Телепатия, вестимо...

Значит ли это, что имплант выжил? Ведь «Берсерк» и ему грозил уничтожением. Я почти скучал о мозговом червяке, но запросы проваливались в никуда. Биокомп не отзывался. Может быть, однажды «раскрученный» биокомпом телепатический центр теперь вертится сам по себе? Хорошо, если так, но было бы лучше, если бы биокомп оказался жив.

Вот еще один страх – вдруг он действительно умер и скоро начнет гнить в моих мозгах?

– Я сейчас уберу тряпку. Осторожно подними веки, почувствовав боль, тут же закрой.

Мокрая, пахнувшая травой примочка поднялась с моего лица, я открыл глаза и снова увидел тьму.

Болезненная пульсация в глазных яблоках превратилась в острую боль, но я моргал и тарасился, пытаясь хоть что-то различить в абсолютном мраке. То, что позволяло нам без

переводчика понимать друг друга, донесло до моей сиделки боль и отчаяние. Я попытался отсечь свои чувства, но она почему-то не дала.

Вернула компресс назад, прохладные пальцы прошлись по моему лицу, заклинания впитывались в кожу.

– Не надо, отдай.

– Отчаяние тебе повредит. Если его разделить...

– Я не хочу, чтобы ты... чувствовала... – В горле запершило, боль в глазах стала невыносимой. Я заплакал.

Это было то единственное, что я мог сделать.

Слезы жгли обожженные щеки, девушка молча сидела рядом, вытирала мне глаза.

– О чем ты думаешь? – прошептал я, услышав какую-то странную мысль, но не успев ухватить ее суть.

– Слезы, – сказала Нанджи, поколебавшись. – Если есть слезы – возможно, зрение восстановится.

– Ты только что это придумала? – недоверчиво сказал я.

– Это правда.

Сегодня – кажется, третий день после битвы – Нанджи совсем убрала повязку с моего лица. Она сказала, что ожоги на лице неглубоки, я не поверил. Пытался проверить и обнаружил, что руки еле гнутся. Ну да, под пришедшийся вскользь удар плазмы я еще и руки подставил... повезло, пальцы целы. Хотя лучше бы уцелело лицо, что руки без зрения.

Все же я кое-как изучил свое лицо на ощупь. Фактура кожи напоминала асфальт – старый, с трещинами. Нанджи запретила прикасаться к глазам.

А если это... навсегда?

Ладно, есть же магия. Мне кажется, меня едва ли выходили бы в лучшем ожоговом центре Питера, а здесь я еще шуршу. И, может быть, исцеляющие чары смогут вернуть мне зрение.

А если нет – стоит вспомнить о здешней технике, биотехнологии! Помнишь, как ты смотрел картинки с сенсоров комбеза? Поставишь себе протезы... хоть вокруг всей головы, очень удобно, никто не подкрадется сзади!..

И тут я провалился в кошмар, в котором предстал таким киборгом с глазами на затылке...

Сон оказался «в руку». Разумеется, глаза на затылке у меня не проклюнулись. Сначала я вообще не понял, что за голос загробный вещает во мне, и решил, что это одно из явлений моего прогрессирующего сумасшествия. А потом вник в смысл слов...

ДАННЫЙ ИМПЛАНТ ПРИВЕТСТВУЕТ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ.

Я обрадовался ему, как родному. Какого черта, имп, где ты был?

СИСТЕМА ПРЯМОГО МЕНТАЛЬНОГО ВВОДА И ВЫВОДА – ТАЙМ-АУТ.

СИСТЕМА ВИЗУАЛЬНОГО ВВОДА И ВЫВОДА – ТАЙМ-АУТ.

СИСТЕМА ЗВУКОВОГО ВВОДА И ВЫВОДА – ЕСТЬ ОТКЛИК. ПЕРЕХОД НА ЗВУКОВОЙ КАНАЛ ОБЩЕНИЯ С ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ.

СИСТЕМА РАДИОСВЯЗИ – ТАЙМ-АУТ.

СИСТЕМА КОНТРОЛЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ – ТАЙМ-АУТ.

ТАКТИЧЕСКИЙ РАСЧЕТНЫЙ МОДУЛЬ – ТАЙМ-АУТ.

БАЛЛИСТИЧЕСКИЙ РАСЧЕТНЫЙ МОДУЛЬ – ТАЙМ-АУТ.

ВОЗМОЖНОСТЬ КОРРЕКЦИИ ФИЗИЧЕСКИХ КОНДИЦИЙ – ТАЙМ-АУТ.

ДОСТУП К ПАМЯТИ – ТАЙМ-АУТ.

Здорово же нас обоих погрыз «Берсерк»...

Все плохо, да? – осторожно спросил я, когда голос перестал бубнить.

ИМПЛАНТ СЕРЬЕЗНО ПОВРЕЖДЕН И СИЛЬНО ОГРАНИЧЕН В ВОЗМОЖНОСТЯХ. ВОЗМОЖНА РЕГЕНЕРАЦИЯ И ПОСТЕПЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ ИМПЛАНТА. РЕШЕНИЕ О РЕГЕНЕРАЦИИ ИМПЛАНТА ДОЛЖЕН ПРИНЯТЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ.

Ну, допустим, приму... что тогда?

ИМПЛАНТ ПОСТЕПЕННО ВОССТАНОВИТ ЦЕЛОСТНОСТЬ.

А если я не захочу?

ИМПЛАНТ ПРЕКРАТИТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ.

И останется в моей башке. А он не загниет?

ИСКУССТВЕННЫЕ НЕРВНЫЕ СВЯЗИ БИОЛОГИЧЕСКИ ИНЕРТНЫ, ОНИ НЕ СПОСОБНЫ ПРИЧИНИТЬ ВРЕД ОРГАНИЗМУ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ. ВОЗМОЖНЫ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ФАНТОМНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПАМЯТИ.

Фантомные явления, классное выражение.

Я подумал.

Потом подумал еще.

Потом плюнул мысленно и ругнулся. Вот, ты хотел избавиться от червяка в мозгах. Радуйся. Помолчи немного, потерпи, а потом он умрет, и беспокоиться будет не о чем, разве что о каких-то «фантомных явлениях памяти».

Что ж – регенерируй!.. – скомандовал я и тут же почувствовал зуд в виске, там, куда пришелся укол.

РЕГЕНЕРАЦИЯ ИМПЛАНТА – ЗАПУЩЕНА.

Послушай, мое зрение... оно восстановится?

НЕДОСТАТОЧНО ИНФОРМАЦИИ. НЕТ ДОСТУПА К БИОЛОГИЧЕСКИМ ПРОЦЕССАМ ОРГАНИЗМА ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ.

Вот и отращивай прежде всего этот... доступ.

ЗАДАЧА ЯСНА. ПРЕДЛОЖЕНИЕ – СОЗДАТЬ ЗАМЕЩАЮЩУЮ ЗРЕНИЕ СИСТЕМУ СЕНСОРОВ И НЕРВНЫХ УЗЛОВ.

Чего? – я икнул. И я смогу с помощью них видеть?!.. – горло перехватила удавка надежды.

НЕ В ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ. ЗАМЕСТИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ПОЗВОЛЯЕТ ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ И ВИДЕТЬ ВБЛИЗИ, А ТАКЖЕ ЛУЧШЕ СЛЫШАТЬ.

Не в полном объеме... а если зрение восстановится? Эта штука не помешает?

ЗАМЕСТИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ДОПОЛНИТ ЗРЕНИЕ.

Тогда... Да, да, да!.. Отращивай, делай!..

День... пятый, что ли? Пять дней, наполненных лишь тьмой, звонким голосом Нанджи и загробным – импланта...

Эльфийская принцесса перестала поить меня из губ в губы и дышать в рот. Очень жаль, я привык и скучал – по этому можно судить, насколько мне стало лучше.

Вместо того она кормила меня с ложечки бульоном, нежной мякотью незнакомых плодов, вываренным птичьим мясом. Я понемногу учил язык, удивляясь собственной памяти – словарного запаса уже хватало, чтобы беседовать на посторонние темы. Метод полного погружения, блин...

– Кто такие *нелюди*?

Нан вздрогнула, и меня словно ножом резануло по живому. Односторонний обрыв телепатической связи плохо воспринимается.

– Ты слушал мои мысли.

– Ты очень громко думала. Так кто они такие?

– Ты – нелюдь. – При телепатическом «переводе» слова особенно заметен его презрительный оттенок. – И эти... с тобою.

– Они были не со мной. Если ты не заметила.

– Я... я заметила, – прошептала Нанджи.

– А ты тогда кто? – продолжил я.

– Человек.

...Постепенно в картину этого мира добавились новые детали. Нелюди живут на Равнинах. Люди же в Лесу. Кажется, девушка полагает, что они единственные настоящие люди в мире.

И вот теперь представительница народа людей выхаживает спасшего ее нелюдя...

– Не нравится слово? – спросила Нанджи, едва я подумал об этом.

– Режет ухо.

Когда Нанджи начала внимательно ощупывать мои уши, я далеко не сразу понял, что к чему. Решил, что это какая-то медицинская процедура. Да и... приятно, если честно.

– Тебе известно, что такое иносказание? Я имею в виду, что мне неприятно слышать, как звучит это слово.

И особенно то, с каким презрением ты его произносишь...

– А... – Девушка в растерянности.

– Я же зову тебя *вэйри*, – это слово означало «человек». Самоназвание лесных людей. – И по имени.

Нанджи думает:

– Ладно, пусть будет просто имя, – снизошла.

Когда моя сиделка уходила на охоту, я прислушивался к копошению импланта в башке или просто думал о произошедшем. Словно паззлы в пальцах, вертел в мыслях факты, обмолвки Нанджи, поведение драконидов.

Многое стало ясно.

Вэйри испокон веков жили Лесом. Нелюди приходили издалека. Их магия была могуча и чужда лесу. Они губили зверей и птиц, наводили порчу, убивали подвернувшихся под руку людей, иногда кидали «огонь с неба», сами оставаясь вне пределов досягаемости.

Тот факт, что я спас жизнь Нанджи, вступает в противоречие с ее мировоззрением. Общепринятый образ нелюдя как жестокой и коварной твари пошатнулся, она не знает, как относиться ко мне. Ею движет элементарная благодарность. И, возможно, есть какие-то обычаи насчет спасения жизни, обязывающие ее. И самые явные женские качества – любопытство и сочувствие...

Вечером шестого дня Нанджи помогла мне подняться на ноги. Опираясь на нее, я сумел сделать парочку шагов и едва не потерял сознание. К боли привык, но усталость была такая, словно в одиночку наколот машину дров. Девушка аккуратно положила меня на место, я буквально купался в ее радости за меня.

– Спасибо.

Теплая ласковая вода тут же превратилась в бушующий шторм, несущий острые льдины. Боль, ярость, раскаяние, в таких эмоциях можно захлебнуться и утонуть.

– Что с тобой?! – испуганно спросил.

– Что со мной? – прошептала Нанджи. – Я скажу тебе, что со мной!.. Ты, нелюдь из нелюдей, из оскорбителей сестер, убийц мужчин!.. Почему ты меня спас, убив своих, почему ты не убил меня, когда я пыталась убить тебя? Почему ты так легко принимаешь мою помощь, говоришь со мной и никогда не укоряешь?! Ты, ты!..

Кажется, она размахнулась, но все же не ударила. Я безошибочно потянулся и перехватил занесенную руку. Нанджи попыталась высвободиться, но как-то неуверенно.

– У меня нет ответа, – сказал я. – Разве что – так надо было зачем-то.

– Этого недостаточно. – Нанджи все же освободилась.

– Для меня – вполне... Не спрашивай. Расскажи лучше, как я выгляжу.

Девушка долго молчала.

– Твоя слабосильная раса... я удивлена, что ты выжил после такого.

– И ничего мы не слабосильные!.. – возмутился я.

– У тебя грудь обожжена, лицо и руки. Тебе заново придется учиться владеть оружием.

– И писать, конечно, – интересно, примут меня опять в первый класс...

– Ты умеешь писать?! – изумилась Нанджи.

– Что за идиотский вопрос? Разумеется, я умею писать.

– Странно. Нелюди обычно... – Нанджи замолчала. – Да. Твое лицо... ожоги. Везде. Больше всего пострадал подбородок и губы...

– Фильтры шлема пропустили жар. А через подбородок проходил край маски, и щель выжглась на лице, – понял я.

– ...Если самки твоей породы... если нелюдские женщины раньше считали тебя привлекательным, то теперь тебе придется постараться, чтобы найти подругу...

– Женщины, что руководствуются внешностью, – это именно что самки человеческой породы, – буркнул я, запутавшись в ее словах. «Нелюди» и означало «звери», и к тем и другим применялись особые слова и выражения, касающиеся биологии. Однако, ксенофобия здесь пыльным цветом... – Да плевать на морду лица, настоящий мужчина должен быть чуть красивше обезьяны. Главное – глаза. Что с ними?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.